

Олег Абрамов Хроники Монстров

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12495043

*Олег Абрамов Хроники Монстров: ООО «Написано пером»; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-00071-356-3*

Аннотация

Ироничный роман-фэнтези о могущественном магическом роде, мужские представители которого достаточно легкомысленны, чтобы попадать в затруднительные ситуации. Вообще-то, такое с представителями слабого пола, по недоразумению называющего себя сильным, встречается сплошь и рядом. Но отрадно, и особенно в наше время, что затруднения решаются с минимальным возможным вредом для окружающих. С элементами традиционной лёгкой эротики. Детям до 16 лет читать не обязательно.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Олег Абрамов

Хроники Монстров

© Олег Абрамов, 2015

© ООО «Написано пером», 2015

Часть первая

Лон. Ловушка для Монстра

Монстр – дословно, Одна Звезда.

Монастырь – Место обитания Звёзд.

Книга Перемены Мест

Откуда я знаю, что я думаю?

Вот скажу – тогда узнаю!

Алиса в Стране Чудес

– Паспорт, пожалуйста, – пограничник с таможенником были вежливы и улыбчивы.

– Лон Версорио, – произнесла лейтенант пограничной стражи, между прочим, вполне себе симпатичная девушка.

После произнесения ключевого слова «Версорио» улыбчивость у этой сладкой парочки сняло как рукой. Лейтенантша застыла с полураскрытым ртом и выпученными глазами. Не прошло и нескольких десятых секунды, как таможенник в чине капитана приступил к беседе со мной. Он, в отличие от лейтенантши, лишь переменял веселое выражение лица на лицо игрока в покер, имеющего как минимум «каре» на руках. Я понял, что он задействовал какую-то специальную опцию личного процессора, или, более того, пока у него менялось выражение лица, он активно с кем-то пообщался через этот самый процессор.

Странно все как-то, никакого наплыва прибывших не видно – и аж целый капитан таможенной охраны на единственной стойке регистрации, и то не таможенной, а пограничной стражи.

– Господин Версорио, во избежание недоразумений, разъясните нам, как официальным лицам, вы действительно имеете принадлежность к императорскому дому «Версорио», или имеются иные обстоятельства? – произнес таможенник.

Смотрел на его каменное лицо и не мог поверить. Вот и вторая странность. Прибывающие – обязанность пограничной стражи, то есть вопрос должна была задать девушка, но капитан тут как тут и за чужой стойкой немедленно принялся уточнять мою личность. Неужели утечка? Не может быть – всего два часа назад, буквально перед отправлением, сказал старшему брату, куда убываю поразвлекаться. До этого никто не мог знать о моих планах, так как я и сам о них еще не знал, даже регистрацию убытия нагло игнорировал. Даже если брат, будучи шпионом вражеской разведки, что совершенно невероятно для наследника престола, немедленно передал бы информацию – не успели бы они с оперативными заготовками. Если бы существовали такие оперативные связи между империями, не было бы жутких дипломатических войн и скандалов между империями, да и кровная вражда была бы уже завершена.

– Я, Лон Версорио, второй сын известной вам императрицы, прибыл к вам с туристическим визитом. Если ваш император вспомнит о кровной мести, существующей между нашими родами до сих пор, то пусть обеспечит соответствующий антураж для ее осуществления. В противном случае, полагаю, ему лучше сделать вид, будто меня нет на территории его империи и его мало волнует, что мои туристические пристрастия касаются осмотра и посещения старых владений моего рода.

Все это произносил вовсе не тоном напыщенного козла и даже без повышения голоса. Поблизости не наблюдалось ни одного репортера, а также было понятно, что все, что произношу, даже если шептать буду, фиксируется стойкой регистрации и личными процессорами сладкой парочки.

– Господин Версорио, во избежание недоразумений, согласны ли вы с тем, чтобы до изъятия воли императора я взял на себя ответственность за ваше пребывание?

Ну вот и третья странность. Такой вопрос, как ответственность за мое пребывание на территории империи Ганетти, совсем уж к таможенной страже не относится. Чудеса.

– Назовитесь, капитан, полностью.

– Заместитель начальника Второго пассажирского отдела первого отдельного управления таможенной охраны, капитан таможенной охраны Дон Вериус, полное имя – Дональд.

– Капитан Дон Вериус, я, Лон Версорио, пока не было волеизъявления вашего императора, назначаю вас, в зависимости от обстоятельств, своим телохранителем или тюремщиком.

После этих слов пауза затянулась чуть ли не на минуту. Предполагаю, что в это время их личные процессоры перегрелись от докладов и обсуждений.

– Лейтенант Хамиш, вы что, не видите, что в зоне прибытия образовалась толпа людей, которых негде регистрировать? Слушайте приказ: закрыть стойку, открыть другую, от этой – ключи сюда, немедленно. Сюда ключи, дура, убью!

Одуревшая лейтенант, на мой взгляд, полностью потеряла ориентацию в пространстве. Таких действий и слов от капитана она явно не ожидала, но тот вообще распоясался: представив пистолет к ее голове, резким скользящим движением левой руки вырвал у нее ключи от стойки. Думаю, что он ей при этом чуть руку не оторвал. После этого он столкнул ее со стула (или как там называется круглое высокое сиденье перед пультом) весьма хитрым способом. Руку с пистолетом положил ей на плечо, выставил согнутое колено и упер его к бедру (назовем это так) девушки, а левой рукой толкнул ее в спину. Результат этих манипуляций со стороны выглядел так, будто девушка выпрыгнула со стойки и отбежала, постепенно замедляясь, метров на восемь. Направление он ей придал чуть наискосок, иначе она впечаталась бы в соседнюю пустую стойку пограничной стражи. Выставив пистолет в ее сторону, он шустро полез к пульту, открыл ключом какую-то панель, выщелкнул оттуда какой-то блок и с удовлетворенным видом засунул этот блок себе за пазуху. После извлечения блока фонарь над стойкой погас.

Думаю, он такой же таможенник, как я артист балета. Смущает только, что форма его хоть и опрятная, но явно уже немало послужившая – не с трупа же он ее снимал, тем более что сидела она на нем безупречно.

Прошло еще несколько секунд, и топот стада бегемотов, задолго до появления самих бегемотов в зоне видимости, возвестил о прибытии новых лиц.

Новые лица ввалились двумя колоннами. Одна из колонн была раза в три меньше другой (пять и тринадцать рыл соответственно). Тот отряд, который был побольше, вооружен был почему-то по-разному – присутствовали автоматы, пистолеты и бластеры, половина бойцов была без бронежилетов. Все они были, как один, в темно-зеленом. Из этого я сделал вывод, что эту бригаду (две смены пограничного дежурного караула с начальником) вызвала девушка. Отчего везде и всюду, во всех мирах пограничники носят зеленую форму? Вторая команда была значительно интереснее, но не по составу, а по содержанию: все в черно-серой форме, у каждого несколько видов оружия и гранаты, а в руках – только парализаторы. Знаки различия отсутствовали, кроме шевронов, вроде бы таможенных. Если это наряд таможенного караула, то гранаты должны быть шокowymi или светошумовыми, но они на них не похожи. Впрочем я не такой уж и большой специалист по вооружению, принятому в различных мирах. Старший этой команды, как только приблизился, вместо выяснения обстановки и каких-либо построений сделал некий знак рукой, после чего вся команда рассыпалась, а мы оказались под прицелом парализаторов – я, таможенник, девушка-пограничник и караул пограничной стражи.

Немая сцена длилась полминуты.

– Лейтенант Хамиш, именем императора, выполняйте мои ранее данные указания. Ваш караул отправить для дальнейшего несения службы по месту... – капитан замялся и вдруг заорал на пограничников: – В конуру свою, бегом! Выполнять! Только что министр безопасности дал мне полномочия пристрелить любого, кого сочту нужным, как государственного преступника!

Некоторое время опять имел возможность наблюдать немую сцену, после которой начальник пограничного караула сделал короткое круговое движение рукой, и несколько секунд после этого мы слышали топот удаляющихся бегемотов.

– Майор Дорс, до получения иных указаний уполномоченных лиц, вы и ваша группа сдаете дежурство немедленно и становитесь телохранителями этого лица, – тут он несколько бестактно ткнул в меня пальцем, – сдать полномочия телохранителей какой-нибудь другой команде можете только по моему указанию либо по личному указанию министра безопасности. Я теперь ваш начальник, все мы с этого момента, кроме его и нее, – он сначала показал подбородком в мою сторону, потом жестом велел девушке немедленно убираться, – по распоряжению министра безопасности до получения дополнительных указаний являемся специальным отделом министерства безопасности.

– Вы хотели сказать «специальной оперативной группой», капитан? – спросил майор Дорс.

– Нет. Мы теперь именно отдел и временно являемся сотрудниками министерства безопасности на правах прикомандирования.

Лейтенант Хамиш то ли всхлипнула, то ли хрюкнула и ломанулась куда-то в сторону. Впрочем, очень скоро стало ясно, куда – ее раздраженные крики и команды в самом конце ряда стоек раздались незамедлительно.

– Прошу, – капитан, глядя на меня, сделал жест в сторону, в которую, как полагаю, следовало двигаться. Тут же, повернувшись к майору Дорсу, он также сделал некий жест, который был воспринят им и его командой единственным возможным способом.

Мы прошли в указанном направлении (в сторону таблички «Выход», разумеется, куда же еще?) несколько десятков шагов, когда Дон, не сбавляя шага, повернулся к майору и сказал:

– Мы сейчас идем к стойке дежурного по терминалу. Там вы и ваша команда по очереди, пока мы все будем ждать, сходите в свой курятник и переоденетесь в гражданскую одежду. Из оружия оставить только пистолеты и парализаторы. Также составьте мне список с указанием своих размеров одежды. С женами консультироваться по этому поводу можно, однако предупреждаю, что если подлинная причина консультаций женам станет известна, то... После этого мы выдвигаемся к отелю «Вебрь». У вас, Лон, – он повернулся ко мне, – не спрашиваю о том, в каком отеле вы остановитесь, отныне я буду заниматься вашим расписанием. Майор, – обратился к нему, – перед отелем у нас будет встреча, где вашу команду и меня опять ожидает переодевание и где нас снабдят некоторыми необходимыми специальными приспособлениями. Также там к нам присоединится еще один человек, который поступит в ваше распоряжение и станет вашим заместителем до окончания операции.

Пока мы стояли у стойки дежурного, я отправил сообщение брату: «Лайонс. Мы так не договаривались. Меня здесь ждали. Ты кому-то слил информацию. Жду твоих объяснений. Лон». Мы молчали, я хотел дождаться ответа, перед тем как начать какие-либо выяснения с капитаном. Ответ пришлось подождать минут десять: «Лон. Не хотел, чтобы на тебя напали прямо на терминале прибытия. Я не слил информацию, а потребовал у начальника разведуправления, чтобы информация о том, куда ты направляешься, была доведена как можно быстрее до их министра безопасности. Тот чуть ли не всплакнул, так как вынужден был раскритиковать для этого лучшего своего агента, имевшего немалый чин в их разведке, и един-

ственного, кто мог в короткий срок попасть на прием к их министру. Позаботься об этом человеке, Лон, абзац ему иначе будет. Очень прошу, обойдись без крайностей. Лайонс».

– Теперь представляю более-менее, что происходит вокруг меня, – начал беседу с капитаном и майором, – тем не менее, не пойму, отчего цирк такой устроили? Зачем создавать какой-то специальный отдел для моего приема при вашем министерстве безопасности, если можно было просто прислать специальную бригаду? Времени было недостаточно? Ерунда, дали бы команду подождать, и все дела. Капитан, ты точно таможенник? Не очень-то ты на него похож, судя по всем твоим действиям. Или ты какой-то специальный агент службы безопасности, внедренный в таможенную стражу для... Не знаю для чего.

– Лон, пока вы, как я догадываюсь, обменивались сообщениями с родиной, я напрямую общался с нашим министром безопасности, – поддержал беседу капитан, – не буду скрывать, императору о вас доложено. Он сгоряча вначале приказал вас ликвидировать, однако сейчас дал указание, что ликвидацию можно и нужно осуществить только после того, как вы предоставите для этого значимый повод. Если вы думаете, что еще один человек, который к нам скоро присоединится, является сотрудником министерства безопасности, думаю, будете неправы. Скорее всего, это будет сотрудник министерства пропаганды, впрочем это не отрицает того, что он может также быть сотрудником министерства безопасности. Пожалуйста, Лон, давайте, все-таки на вы будем общаться? А то кодекс кодексом, но если я буду вам еще «ты» говорить, это будет как-то уж совсем неприлично.

– Дон, не понимаю, отчего такая странная избирательная откровенность? Тем более что на некоторые вопросы вы все-таки не ответили.

– Никаких проблем. Я действительно таможенник. С сотрудниками министерства безопасности частенько по долгу службы взаимодействовал в области борьбы с контрабандой, однако никаким их сотрудником или агентом не являлся. Лон, давайте без двусмысленностей, если вы хотите покорить нашу империю – давайте, действуйте, однако если ошибетесь, вас ликвидирую я или кто-то из ваших телохранителей, а прикомандированный к нам специалист из министерства пропаганды нарисует любые обстоятельства, исходя из общественных пристрастий и потребностей.

– Замечательно. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но майор Дорс наверняка раньше служил не в таможенной страже. Вы сами лично его раньше знали?

– Извините, капитан, начальник, так сказать, – вступил в разговор майор, – позвольте за себя я сам отвечу, а то вы говорите обо мне, как будто меня здесь нет.

При этом он сделал движение рукой, и два его уже переодевшихся бойца ломанулись в противоположные углы весьма немаленького главного зала терминала.

– Я действительно уже пятнадцать лет майор таможенной стражи, и этот наряд, хоть и внеочередной, достался мне вчера самым естественным образом: лейтенант Корн был на каком-то семейном торжестве, наотмечался там, а в контрольное время, согласно аналитору, не уложился в норматив. Ненамного, но не уложился. По этой причине я и заступил в наряд. Наверное, лучше бы было для всех, чтобы министр не назначал меня начальником вашей личной охраны.

Почему-то стало понятно, что многое из речи майора – ложь, но вместе с тем ощущался какой-то посыл ко мне (зачем ему рассказывать мне о каком-то лейтенанте Корне?), я почувствовал, что майора надо раскрутить на какую-то информацию, только не мог определиться в каком направлении надо начать раскрутку. Ладно, буду танцевать от печки, то есть оттапливаться от его же слов: «назначен министром, но лучше бы тот этого не делал».

– Скажите, майор, вы действительно не знаете, по какой причине назначены начальником моей охраны?

– Наоборот, отлично понимаю причину этого и полагаю, что мне следует о ней рассказать, все равно вы потом все узнаете. Пятнадцать лет назад меня с треском, нет, наоборот,

очень тихо выгнали из числа сотрудников министерства безопасности, где я также был майором и возглавлял один из отделов по силовым операциям. Как видите, за прошедшие пятнадцать лет я сделал «отличнейшую» карьеру в таможенной охране. Спасибо, что хоть не убрали. Причина увольнения – неудачная операция, которую я осуществлял. Неудачная операция – слишком мягко сказано, это был полный провал и катастрофа. Нелепая случайность – и погиб грудной ребенок, который должен был стать ценнейшим заложником. В общем, из моего парализатора была убита ваша малолетняя сестра, Лон. Если бы не кровная месть, существующая между родами Версорио и Ганетти, меня бы все информационные агентства заклеили бы детоубийцей. Вместо этого все засекретили, а возможные концы зачистили.

Да уж. Выдал. Как кувалдой по башке стукнул. Приходил я в себя несколько минут. Капитан тоже выглядел слегка ошарашенным, с разговорами и комментариями не торопился.

– Раз вы, майор, участник тех событий, скажите, это действительно была нелепая случайность? А кто же застрелил Марту Хорен, няньку моей сестры?

– Сама она и застрелилась из моего же пистолета, который она выпросила. Дал ей пистолет потому, что в тот момент тоже всерьез подумывал застрелиться. Что касается случайности, то что же случайного в захвате в заложники грудного ребенка? А так да, случайность. Эта дура, нянька, выхватила ствол здорового такого калибра и начала в меня стрелять, и даже попала, дрянь, несколько раз. При этом умудрилась уронить ребенка именно в тот момент, когда я выстрелил из парализатора ей по ногам. Я бы среагировал на это и остановил бы выстрел, но в это время, несмотря на наличие специального костюмчика, меня сильно колбасило от града пуль немалого калибра, тем более что костюмчик-то был облегченный, замаскированный под гражданскую одежду. Ребенку досталось, может, краем зоны рассеивания, но для грудного ребенка... Я этой дуре тут же вкатил антидот, в надежде выяснить, какова должна быть доза антидота, чтобы у ребенка появился шанс выжить, но дозу вкатили почти наугад, тем самым окончательно убили. Был бы я религиозным – в монахи, наверное, подался бы, впрочем, такой грех все равно не замолить.

– А почему вы все-таки это все рассказали? Не опасаетесь, что мне придет в голову идея отомстить? Ваше министерство безопасности, как понимаю, надежно засекретило ту операцию. Возможно, я бы никогда и не узнал о вашем участии в смерти моей сестры. Или совесть настолько замучила, что и жить не хочется?

– Совесть меня действительно мучает, но пожить все-таки еще хочется, так как у меня семья – четверо детей и уже два внука. Причина проста. Паук назначил меня вашим телохранителем не просто так. Он вообще не любит случайности, но он любит их организовывать. Я действительно в наряд заступил вчера вместо лейтенанта Корна, только служу я в Третьем отдельном управлении таможенной охраны, этот терминал прибытия находится вне зоны деятельности нашего Управления. Сюда меня с ребятами доставляли в пожарном порядке. Предполагаю я, что Паук через некоторое время организовал бы утечку информации о той гнусной операции.

– Паук – это ваш министр безопасности? Как-то не очень вы с ним почтительны.

– Он знает, что его все так за глаза называют, и, насколько знаю, ему прозвище свое нравится. Разумеется, если бы я в лицо его так назвал, то у меня возникли бы проблемы. Ну так вот, допустим, он через некоторое время организует утечку информации. Для чего это ему может понадобиться – смутно догадываюсь, впрочем, разгадывать многоходовые комбинации Паука – занятие неблагодарное. Для меня важно другое. Род Версорио может в этом случае объявить о кровной мести роду Дорсов. Возможно, даже вынужден будет это сделать – зависит от того, каким образом будет организована утечка. Мы не можем позволить себе такую вражду, не по зубам нам это. После моего признания ситуация выглядит иначе. Если вы захотите отомстить за смерть сестры, я, пожалуй, даже и сопротивляться не

буду, но объявлять кровную месть моему роду у вас теперь оснований не имеется. На алтарь комбинаций Паука положить свою жизнь согласен, а жизни членов моей семьи или рода – категорически возражаю.

– Да уж, майор, сильно вы меня озадачили. Даже не знаю, как мне ко всему этому относиться. Убивать ваших детишек и внуков из мести за сестру я, разумеется, не имею ни малейшего желания. Еще меньше мне хочется стать объектом сомнительных манипуляций вашего Паука. Если хорошенько подумать, то Паук виновен в смерти моей сестры не меньше вас. Или тогда был другой Паук? Планировать спецоперации против грудных детей аморально по определению. Отпускать вам грехи, майор, не стану, так же как и обещать что бы то ни было. Время покажет, придется мне вас убивать или нет.

– Капитан, – продолжил я, – а вы какими откровениями поделитесь? Вы, между прочим, так и не ответили мне на вопрос о причине циркового представления, которое вы устроили. А также не очень теперь верю, что и вы приставлены ко мне случайно.

– Лон, я тоже предполагаю, что меня к вам приставили не случайно, только причины эти для меня не вполне ясны. Раз майор говорит, что министра безопасности за глаза можно называть Пауком, то и я его буду так называть. Относительно цирка скажу, что ничего особенного мы и не устраивали. Со мной Паук связался и дал указание вас встретить буквально за десять минут до вашего прибытия, никаких особых полномочий он вначале не дал, как и не дал четких указаний, как себя вести и что мне, собственно, следует делать. Небольшая несогласованность с пограничниками возникла из-за спешки. Поорать от души на них давно мечтал, только раньше мне карт-бланш министры не давали. Дура и сучка лейтенант Хамиш пострадала от меня тоже за дело – давно хочу ее поймать, а она, сучка, другим иногда дает, а меня на фиг посылает, когда я клинья к ней подбиваю. В свете того, что тут нам поведал майор, теперь понимаю, почему вместо меня не назначили сотрудника безопасности с железными яйцами. Пауку нужно и под контролем все держать, и чтобы к этому не имели отношения штатные сотрудники безопасности. Почему из всех таможенников Паук выбрал именно меня – не знаю, однако я на хорошем счету, слышу крутым специалистом по единоборствам и стрельбе, что нехарактерно для нашей службы, поэтому не вижу причин не выделить для этих целей именно меня.

– Майор, если вы и ваша команда не местные на этом терминале, куда тогда за гражданской одеждой ходили ваши люди?

– Как куда? К местному караулу.

– А зачем, как вы думаете, им сейчас переодеваться? – спрашивал их обоих. – Нас вроде уже поджидают возле отеля некие люди именно для этих целей?

Они оба только плечами пожали.

Минут через сорок возле отеля нас встретили люди, которые передали моим спутникам некое транспортное средство весьма внушительного вида и какие-то кофры. Всех, кроме меня, разумеется, заставили переодеться в костюмчики вполне гражданского вида. Предполагаю, что костюмчики эти такими только выглядели.

В отеле «Вепрь» никакого ажиотажа наш приход не вызвал. Отель был явно не из самых крупных и престижных, однако внутри все выглядело вполне мило и уютно. Объясняясь с персоналом отеля майор, много времени это не заняло, у меня даже паспорт никто не потребовал, впрочем, никаких документов ни у кого не потребовали.

– Капитан, поделитесь соображениями – отчего для нас выбрали именно этот отель?

– Трудно сказать. Думаю, что часть местного персонала является также сотрудниками министерства безопасности, ничего иного в голову не приходит. Спросим майора, наверное, он знает. Майор, что скажете? Или это государственная тайна?

– Кое-что и вправду является тайной, – майор отвечал на ходу, шли мы в номера неким ордером, принятым для передвижения охраняемого лица, вел нас к номерам не человек,

а мобильный маркер, – кое-что могу рассказать, так как вы и сами скоро увидите некоторые местные секреты. Дело в том, что отель весьма своеобразно спроектирован. Например, обычных стекол в этом отеле нет, только пластармированные, то есть здесь при необходимости можно нехило поиграть в войнушку с превосходящими силами наступающего противника, тем более что и стен обычных здесь нет. Не знаю, из чего сделаны местные стены и перекрытия, но это что-то весьма прочное. Здесь всего несколько люксов, в один из них нас всех и поселят – тесно не будет, для работы команд телохранителей постояльцев созданы все условия. В люксах в некоторых местах натканы дополнительные бронеплиты, в том числе раздвижные. Имеется в каждом люксе также комната наблюдения с маленьким складом датчиков и камер, которые можно дополнительно установить, кроме тех, что уже установлены, впрочем, некоторые внешние сектора к наблюдению запрещены. Для каждого люкса – разные, думаю, догадываетесь почему. Имеются также два независимых скрытых выхода на случай экстренной эвакуации, даже три, если считать с площадкой осмотра. Все выходы я, разумеется, покажу – один открывается во внешнюю стену на приличной высоте, второй – в шахту лифта. У каждого люкса имеется также свой лифт с двумя остановками: номер и подвал, в подвале для каждого люкса предусмотрен односторонний ход – только наружу.

– Что за площадка осмотра такая?

– Здоровый такой балкон, куда мы загоним выданный нам флайер.

– Интересный такой у вас тут отель, я о таких и не слышал даже никогда. Что же за постояльцы тут проживают?

– Это и есть самый главный государственный секрет этого отеля. Отель создан для обеспечения не только безопасности, но и анонимности проживающих тут лиц. Поселиться здесь можно только с разрешения министерства безопасности либо службы охраны императора.

– Ну и сколько в сутки стоит местный суперлюкс? Я в средствах, как вы догадываетесь, не стеснен, но все-таки мне интересно. Или за меня будет платить министерство безопасности?

– Полагаю, местный персонал об оплате проживания и про чаевые, может, когда-нибудь и слышал, но вряд ли когда-нибудь видел. Имейте в виду, что давать чаевые здесь считается весьма дурным тоном, да и возможность такая вряд ли представится. Ресторана и бара в отеле нет. Заказать продукты и напитки можно, но доставят их не в номер, а вниз, дежурной смене охраны, оплатить их надо самостоятельно и заранее, иначе посыльного и на порог не пустят. Собственная кладовка с продовольствием здесь имеется, но ее трогать без необходимости запрещено. Да и забита она разнообразными специальными армейскими наборами, так что сомневаюсь, что эти наборы хоть кто-нибудь использовал за все время существования этого отеля.

Вот так, получая от майора инструкцию по проживанию в местном «чуде» гостиничного бизнеса, мы прибыли в наши апартаменты на последнем, пятом этаже отеля. Если бы не рассказ майора, ничего такого особенного в «номере» не углядел бы: обычный люкс в отеле неплохого уровня. Комнат в люксе было целых двенадцать, имелся даже небольшой спортзал. Майор выделенным «номером» остался доволен.

– Отлично. Выдали нам, пожалуй, лучший номер – они все-таки отличаются разными нюансами. В этом я работал только один раз, вполне все на уровне и весьма удобно. Только не расспрашивайте о том, при каких обстоятельствах это происходило, я уже сказал – соблюдение конфиденциальности информации о постояльцах здесь самый главный закон. Капитан, если вы не возражаете, с домовым я сам поработаю, они тут не вполне стандартные, вряд ли у вас имеется достаточный опыт настройки местной охранной и обслуживающей системы.

– Не возражаю, однако хотел бы присутствовать как раз для целей приобретения дополнительного опыта.

– Домовой, приступим к знакомству, – сказал почему-то в потолок майор, присев в кресло в самой большой комнате «номера».

– Здравствуйте. Меня зовут Сара. Я готова, – ответил вполне приятный женский голос.

Не усматривал ничего для себя занимательного в настройке домового, тем более, сильно подозревал, что, ничуть не стесняясь моего присутствия, они наговорят домовому про меня всякие гадости. Например, про необходимость везде за мной следить, включая ванну, душ и сортир, про ограничение в пользовании охранной системой люкса и тому подобные гадости. Счел более уместным удалиться в спальню, чтобы немного отдохнуть и поразмышлять.

Размышления ни к чему конструктивному не привели, никакого плана действий у меня не появилось, совершенно не представлял, чем следует заняться в ближайшее время. Впрочем, утешил себя мыслью о том, что плана у меня нет по причине отсутствия цели – просто сам не знал толком, что же мне понадобится в этой империи. Когда узнаю, тогда и план появится, а пока буду плыть по течению и изображать из себя загадочную личность, которая твердо знает, что делает. Отправил также сообщение брату, коротко обрисовав ситуацию. Мы с братом заранее договорились, что никакого шифрования производить в своих сообщениях не будем, поскольку отправлять сообщения в обход местного узла связи невозможно (так считается), а шифрование может привести лишь к тому, что сообщения не будут пропускаться. При желании я бы мог заставить узел связи этой планетки работать исключительно на себя (подобно другим узлам связи на планетах империи Ганетти), заблокировав остальных пользователей, но в этом не было никакой необходимости. Тем более, это было бы вопиющей бестактностью по отношению к Всеобщему Узлу Связи, откуда сюда направили бы такую бригаду для разборок, что кровная вражда между Версорио и Ганетти показала бы детскими играми в песочнице. Мелькнула озорная мысль, что можно было бы местный узел связи замкнуть не на себя, а на их императора и Паука. И недели не пройдет, как начнется у них тут такое веселье, что вся местная элита будет на пару лет изолирована на какой-нибудь не очень населенной планетке для выяснения причин безобразий с узлом связи. Дурацкая эта была мысль, из разряда программы спасения окружающей среды путем полного прекращения жизнедеятельности человека, но она меня немного развеселила.

Через пару часов я зашел в холл (гостиную? зал?), в общем, в самую большую комнату нашего люкса. Там находился только капитан, что меня вполне устраивало, так как я собирался его еще немного попотрошить на предмет получения информации.

– Капитан, вот вы тут как-то сказали мне, что я намерен завоевать вашу империю и что вы, мол, не возражаете, но если я что-то сделаю не то или не так, то... Тогда было несколько не ко времени выяснять, что означает эта ваша весьма загадочная фраза, но сейчас бы хотел услышать, что вы имели в виду под завоеванием империи?

Мне показалось, что он несколько засмутился, однако ответ был неожиданно резким.

– Послушайте, Лон, вы, конечно, в отличие от меня, весьма высокопоставленная особа, но у нас вы вне закона, и прав у вас здесь вообще никаких нет. Если мне вдруг вздумается прямо сейчас вас застрелить, то меня вряд ли, конечно, наградят, но и даже легкого порицания не будет. Несмотря на вашу родовитость, здесь я главный, а вы меня все время допрашиваете. У меня уже язык устал от разговоров с вами, а вы все никак не успокоитесь.

Я не слишком удивился такой отповеди, скорее обрадовался: что-то весьма интересное он хочет утаить. Или, наоборот, ему не терпится о чем-то рассказать?

– Капитан, в эти игры я играть тоже умею. Представляется, что вы хотите меня цинично надуть. Вы вроде бы таможенник, а вовсе не танцор какой-нибудь или строитель.

– К чему вы это?

– Я это к тому, что ваша работа заключается совсем в другом. Вам не нужно, в отличие от некоторых профессий, что-то делать руками или ногами. Вы не исповедуете принцип

«меньше слов, больше дела». Вы – профессиональный болтун, все ваши служебные обязанности завязаны на общении с людьми, за это вам жалование и платят. Рассказывать мне, что у вас язык заболел от разговоров, нелепо. Вы просто нашли неуклюжий способ не отвечать на вопрос о завоевании империи. Полагаю, что сейчас еще немного поломаетесь и все равно расскажете, где тут собака зарыта.

– Отчего вы так уверены?

– Очень просто. На идиота вы не похожи, и я, несмотря на ваше призвание профессионального болтуна, не поверю, что вы что-то сболтнули мне по глупости. Скорее наоборот, вы пытались вытянуть из меня какую-то информацию, прочитав мою реакцию на свои слова. Вы это делали неоднократно, в том числе тогда, когда нарочито грубо высказывались о лейтенанте Хамиш. Не удивлюсь, если у вас в записной книжке окажется, ко всему прочему, диплом психолога. Итак?

Капитуляция была скорой, капитан похмыкал, помялся и начал излагать.

– Диплома психолога у меня нет, у меня есть диплом Корпуса Таможенной Охраны. Психология там не просто один из изучаемых предметов, она является профилирующей дисциплиной. К слову, если бы не ваша родовитость, вы могли бы сделать неплохую карьеру в качестве следователя. Ладно. Скажу. Покорить нашу империю – не значит устроить заговор или начать войну. Нужно лишь завоевать одну определенную девушку. Император провозгласил своей наследницей принцессу Атуан, она из него веревки вьет, это общеизвестно. Попроси принцесса папочку трон свой уступить, думаю, он и уступит. Так получилось, что это даже и не император сделал ее первой наследницей. Старший сын, принц Стоксфол, еще лет пятнадцать назад официально отказался от первоочередного права наследования, по какой-то причине подал в отставку с поста начальника разведуправления империи, сейчас преподает в Академии Генерального штаба. Второй сын, принц Ричард, сделал это же три года назад, однако от карьеры не отказался, недавно был назначен заместителем начальника Генерального штаба империи. Принц Торвальд проделал то же самое сразу после принца Ричарда уже конкретно в пользу принцессы. Сейчас он занимает невнятную должность начальника хозяйственного отдела службы охраны императора. На самом деле, все знают, что он заправляет финансовыми делами рода Ганетти, а также является настоящим пугалом для министерства финансов империи, да и для всех других, включая министерство безопасности. В общем, везде, где приходится тратить имперские денежки. Полагаю, что его и Паук боится. Братья тоже в принцессе души не чают с самого ее детства. Теперь очередь наследования приняла первоначальный вид, только первой в ней стала принцесса Атуан.

Тут он прервался. Посмотрел на меня как-то странно.

– Никак я вас не пойму, Лон. То вы очень нетерпеливы, вытряхивая из меня информацию, то вдруг так внимательно и заинтересованно слушаете, когда я рассказываю общеизвестные факты. Вы не только следователем, вы и актером запросто могли бы стать!

– Продолжайте, пожалуйста, Дон. Мне действительно очень интересно, и я совершенно не вижу причин этого скрывать.

– Тот, кто станет мужем принцессы, – продолжил он, – имеет шансы стать следующим императором, при условии, что девицу именно покорит и будет ей ровней, в противном случае – будет принцем-консортом. Вот почти и весь расклад. Осталось добавить немного. Ей исполнилось уже двадцать лет, пора выходить замуж, а она по какой-то причине не желает этого делать. Выбор у нее, разумеется, неограниченный, никакой мезальянс никого не смутит, поскольку, учитывая ее статус наследницы, даже принцы иных императорских домов не будут являться ей ровней, поэтому шансы стать императором ничтожны. Характер у девушки – это нечто неопишное. Офицеры службы охраны императора, известные отморозки, почти поголовно в нее тайно влюблены и поголовно боятся ее до печеночных коликов. Двоих из них она в разное время просто застрелила. Официально объявленная причина –

оскорбление принцессы действием. Можно было бы подумать, что она просто психопатка, а причина эта – полная лажа (ну какой отморозок будет оскорблять действием принцессу?), но точно известно, что психопатических отклонений у нее нет, а вот нрава она весьма крутого. Сумасбродства всякие она также любит, они всякий раз живо обсуждаются не только при дворе, но и, так сказать, в широких слоях общества. Можно было бы заподозрить в ней скрытую лесбиянку, но и этого нет – она могла бы легко себе это позволить, если бы захотела.

– Это все весьма интересно, Дон, Как-то упустил из виду все эти нюансы нынешнего политического момента в вашей империи. Но объясните мне, капитан, какое это имеет отношение ко мне? Как-то пока не очень собираюсь жениться на ком бы то ни было, пусть даже на вашей принцессе. Мне всего-то двадцать три года, жениться рановато, вашим новым императором становиться тоже совершенно не горю желанием, да и как вы себе это представляете? Про кровную месть между нашими родами вы забыли?

– Именно в кровной мести и дело. Вы являетесь для принцессы ровней, в отличие от принцев иных империй. Ваши права на наш императорский трон никакие только до тех пор, пока существует кровная месть между Ганетти и Версорио. В случае вашего брака с принцессой Атуан Ганетти кровной вражде конец, все когда-то кончается. Принцем-консортом вы в этом случае также стать не сможете, так как с окончанием вражды ваши права и права рода Ганетти на императорский престол будут совершенно равными. И все-таки, не представляю я, каким образом вы сможете охмурить девушку? В роду Ганетти таких крутых девиц никогда не было. Думаю, что это именно вы меня цинично надуваете, когда утверждаете, что о принцессе вам ничего неизвестно и никаких планов в ее отношении не вынашиваете. Какой еще может быть смысл в вашем визите к нам, осмотр каких таких родовых строений?

– Капитан, да вы тут все просто какие-то шкатулки с сюрпризами. Вы так толково и доходчиво объяснили нюансы моей возможной женитьбы, что меня терзают смутные сомнения: не являетесь ли вы одним из тех самых братьев принцессы? Откуда простому капитану знать такие нюансы? Допускаю, что Паук просветил на этот счет, но верится слабо – зачем ему так откровенничать с простым капитаном? Кроме того, про завоевание империи вы обмолвились практически сразу после моего прибытия. У Паука просто не было времени растолковать вам такую весьма пикантную информацию. Или было?

– Все намного проще. Тема возможного замужества принцессы весьма широко обсуждается, даже информационные агентства сделали несколько передач по этому поводу. Правда, вас в качестве кандидатуры никто гласно не рассматривал. Негласно же, думаю, многие об этом задумывались. Я – никакой не брат принцессы, однако мысли о ней изрядно занимают меня, я в нее даже немножечко влюблен, что ничуть не удивительно. Очень многие мужчины в империи равнодушны к ней, это даже в некотором роде модно. Те офицеры, которых она застрелила, скорее всего, просто сбрендил от неразделенной любви, они могли ведь наблюдать за ней непосредственно вблизи. Вот они и рискнули жизнями, наверное, в попытке поцеловать или что-нибудь в этом роде, вот и оскорбление действием. А поскольку вряд ли у них была какая-нибудь возможность с ней уединиться, то, застрелив их на месте, она оказала им услугу, избавив от позорного суда с последующим расстрелом.

– Наверное, я вас все-таки сильно разочарую капитан, тем более что вы, оказывается, скрытый романтик, но, к стыду своему, я даже не знаю, как выглядит принцесса Атуан. Когда-то видел ее детские изображения, нынешних же не видел. Если честно, я раньше весьма мало интересовался вашей империей. Домовой, информационную панель сюда развернуть можно?

– Меня зовут Сара, Лон. Я предпочитаю, чтобы вы называли меня именно так. С панелью никаких проблем нет, что показывать?

– Во-первых, поищи какие-нибудь недавние изображения принцессы Атуан, сотни штук будет достаточно. Во-вторых, найди пару передач о принцессе либо с ее участием.

Просматривал заказанные материалы я около часа. Капитан сидел в сторонке, от каких-либо комментариев воздерживался. Да уж, принцесса Атуан была та еще штучка. Девушка действительно была уникальным экземпляром. Ее изображения без одежды, разумеется, отсутствовали, однако легко угадывалось, что и под одеждой все в порядке. В нынешнее время чудес косметологии и пластической хирургии, при этом вполне доступных широким массам, наличие красивой мордашки и фигуры не редкость, а норма. Тем не менее, косметологии все-таки не все доступно. Грация, мимика, жестикуляция – все это определяет обаяние и степень привлекательности. У этой девушки с обаянием и привлекательностью все было в полном порядке. Выяснилось также, что девушка обладает чудовищной силой Даром, пределы которого до сих пор не может выяснить одна из местных академий магии, где она, кстати, и обучается, а заодно и регулярно куролесит. Экцентричность ее свидетельствовала о богатой фантазии и бурном темпераменте, но в целом ничего такого особенного – куда более обширный набор таких же шалостей проделал мой старший братец в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет. Впрочем, в найденной подборке всех эпизодов шалостей принцессы не было, только некоторые. Во всем этом меня настораживала какая-то очень уж высокая харизматичность принцессы. Неужели она напропалую пользуется Даром для создания к себе трепетно-любовного отношения в широких массах? Такой вывод только выглядит логичным. На самом деле, такое возможно лишь в маленьких социальных группах. В больших группах имеется неконтролируемое для ловкача количество людей, обладающих магическими способностями или амулетами различной силы. Общество таких ловкачей очень быстро выявляет и без всякой жалости подвергает обструкции, не спасет никакое высокое положение. Однако не все то, что считается невозможным, является таковым – это я знаю на собственном опыте. Специально проверять это обстоятельство почему-то никакого желания не возникло, хотя, наверное, должно было возникнуть.

– Капитан, что и говорить, принцесса – весьма интересная девушка, но, право слово, не вижу каких-то особых причин начинать сгорать от любви, томиться духом и прочее. Кроме того, прекращение кровной вражды не очень сильно меня привлекает. Все-таки слишком много моих предков безвременно ушли из жизни насильственным путем. Смерть моей сестры хоть и была случайной, но вовсе не настраивает на то, чтобы все забыть и все простить. Да и повторяю еще раз: быть императором мне вовсе не хочется, хлопотно это очень. Вот быть вторым наследником императрицы – другое дело, это как раз не хлопотно и очень приятно, это возможность распоряжаться самим собой: никакие придворные холуи или какие-нибудь чиновники не имеют надо мной никакой власти, я всегда могу послать любого из них куда подальше. А вот моя мама или старший брат, который еще даже не стал императором, остаться в одиночестве могут только в сортире. Хотя, подозреваю, что Жук (да-да, да именно так за глаза принято называть нашего министра безопасности) просто не сообщает, что за ними и в сортире наблюдают, чтобы не травмировать их психику. Я же в последние годы в нашей империи появляюсь очень редко, путешествую, куда хочу и как хочу, и никто мне и слова против сказать не может.

Капитан не выглядел ошарашенным от моих откровений. Наверное, опять вспомнил, что имеет «каре» на руках и должен вести себя соответственно.

– Капитан, а где этот ваш пропагандист? Насколько я помню, он должен был прибиться к нам еще до заселения в отель?

– Не знаю пока точно, кто он такой, может, и не пропагандист вовсе, да и не мой. Я предположил его принадлежность к министерству пропаганды лишь по невнятному намеку Паука. Он уже две минуты как должен быть внизу, и его, по нашему уговору, встретит майор Дорс.

– Встречать? Этот пропагандист такой несамостоятельный?

Капитан рассмеялся.

– Знаете, Лон. Когда майор доложил мне о необходимости выдвинуться его встречать, я отреагировал примерно также. Этот «отель» – никакой не отель, его правильнее было бы назвать ведомственной крепостью-общежитием. Деятеля, которого мы ждем, зовут Конрад Сат, пока майор лично не проведет его через регистрацию у местного Главного Домового и не определит ему права доступа, вход ему сюда закрыт, также как и для любого другого посетителя.

В этот момент в помещение вошли майор Дорс и господин весьма франтоватого вида: в одежде, напоминающей местные придворные фасоны, которые я имел сомнительное удовольствие наблюдать, пока изучал материалы о принцессе. Майор тут же подошел к информационной панели и что-то там начал бурчать Саре.

– Позвольте представиться. Конрад Сат, с сегодняшнего дня – заместитель начальника отряда телохранителей специального отдела министерства безопасности. До этого – заместитель пресс-атташе службы охраны императора, полковник. Вы, господа, можете не представляться, я уже прекрасно знаю, кто есть кто, включая остальных четверых сотрудников нашего специального отдела, которые здесь отсутствуют. Кстати, господин майор, – повернулся к майору, который интимно общался с информационной панелью, – поправьте меня, если я ошибаюсь: из тех четверых двое в комнате наблюдения, остальные отдыхают?

Майор приостановил свое бурчание и просто кивнул.

Капитан рассматривал Конрада внимательно, но вступать в разговор не спешил. Ничего не имею против многозначительных пауз в разговоре, но с их помощью информацию не добудешь, а мне ее очень не хватало для того, чтобы определиться со своими дальнейшими планами. Поэтому не дал паузе затянуться.

– Господа. Не кажется ли вам, что ситуация несколько абсурдна? Я сам, знаете ли, ни в каком ведомстве не служу, но даже для меня выглядит несколько анекдотично, когда полковника подчиняют майору, а того, в свою очередь, капитану. При этом прошлая ведомственная принадлежность по влиятельности находится в таком же точно соотношении. Не кажется ли вам, что кто-то с нами всеми хочет плоско или, наоборот, очень тонко пошутить?

Полковник присел и задумался. Майор закончил бурчать, также присел, лицо сделал кирпичом – ему, видно, не хотелось первому высказываться по этому поводу. На лице капитана отразилась сложная гамма чувств, ему, должно быть, тоже не очень хотелось ляпнуть что-нибудь неосторожное в присутствии полковника, который по табелю о рангах превосходил его на порядок. Тем не менее, капитан был здесь главным, ему и пришлось начать первому. Своей находчивостью он меня не удивил – я уже понял, что парень он совсем не глупый.

– Полагаю, все только внешне выглядит абсурдно. Мы все находимся в необычных обстоятельствах по причине того, что вы, Лон, пребываете на территории империи в совершенно абсурдном положении. Любое ваше действие может иметь самые непредсказуемые последствия. Очевидно, что меня назначили старшим над полковником и майором именно потому, что не принадлежу ни к министерству безопасности, ни к службе охраны императора. Если произойдут какие-либо нежелательные события, прямого отношения к ним император иметь не будет, также как и министерство безопасности. При этом никто не сможет и сказать, что ими события были пущены на самотек. Я вижу ситуацию так. Есть еще мнения?

Майор был краток.

– Мое дело – охранять, никакие политические нюансы меня не касаются, да никто и не ждет, что я буду ими заниматься.

Полковник – тот еще фрукт. Видно было, что он слушать умеет. Кроме того, он, наглец такой, начал осторожно сканировать меня на предмет наличия магического фона и личного пространства. Вместо того чтобы противодействовать ему, решил огорошить его одним дурацким и бесполезным, на первый взгляд, но весьма сложным в исполнении магическим

фокусом: оставил свой фон, как обычно, очень низким, а личное пространство втянул по контуру своего тела. Полезность этого фокуса состоит в том, что мало кто так умеет (я таких вообще не встречал), ни у одного нормального человека личное пространство так выглядеть не может. На сканирующих этот фокус оказывает убойное действие, они начинают сомневаться в нормальности себя или меня. А говорить полковник тоже умел, негромким и хорошо поставленным голосом:

– Господин капитан весьма неплохо обрисовал политические нюансы, – фрукт этот закончил сканировать, но даже с речи не сбился, никак не продемонстрировал, что он в полном смятении, хотя я был уверен, что он именно в нем и находится. – Я чужд ведомственному снобизму и не считаю, что все самые умные офицеры служат именно в нашем ведомстве. Наверное, поэтому меня сюда и направили. Следует прояснить для всех присутствующих некоторые другие политические нюансы, так как все-таки за политические нюансы в нашем отделе я и буду отвечать, а также за связи с общественностью. Вы, Лон, для императора враг, и если бы вы проникли на территорию империи незаконно, то в этом случае вы бы просто подлежали уничтожению любым самым быстрым способом. Вы прибыли открыто, но при этом дипломатического статуса или статуса парламентаря вы иметь не можете из-за кровной мести. В кодексе кровной мести есть особенность, которая никак не закреплена. Если силы приблизительно равны, невозможно наносить удары безостановочно, стороны переходят к позиционной войне и действовать по очереди. Император посчитал, что уронит свое достоинство, если даст команду на уничтожение до того, как вы дадите к этому повод, то есть не сделаете следующего хода, – тут он мастерски сменил эмоциональный окрас своего выступления с умеренно-торжественного на умеренно-веселый. – Кстати, если капитану для нашего отдела понадобятся еще какие-нибудь специалисты, то они будут выделены. Ха-ха! Следующий будет в генеральском чине почти наверняка.

Я был доволен. Ситуация начала проясняться. У меня еще не появилось определенной цели, но зато начали вырисовываться некоторые зачатки плана действий. Решил дать им некоторую передышку, прежде чем дальше их потрошить, тем более что пока они не пообщаются между собой без меня, никаких серьезных вопросов они больше обсуждать со мной не будут. Сказал им, что через полчаса буду готов отправиться куда-нибудь пообедать, попросил, чтобы подобрали какое-нибудь тихое местечко, где можно поговорить и обсудить наши совместные ближайшие планы. Они не возражали – с чем и убыл поплескаться и подумывать.

Пункт первый. Ко мне приставили специалиста по связям с общественностью, своеобразным, конечно, специалистом, но все-таки. Если бы для меня не предполагалось никаких связей с общественностью, то полковник и не стал бы упоминать, что он в этой странной компании отвечает за это направление деятельности. Ни о какой пресс-конференции, слава Богине, не может быть и речи, так как я могу быть здесь только частным лицом. Прекрасно. Это означает, что сегодня или завтра он потащит меня на какое-нибудь ток-шоу, где обсуждается зараза десятков тем, которые, как предполагается, волнуют широкие слои общества. Отлично. То, что надо, чтобы и обществу местному показаться, и ни на какие скользкие темы не разговаривать.

Пункт два. Человек, который слил информацию обо мне в местную безопасность. Начать заботиться о нем по просьбе брата было вроде бы пока рановато. А что если он был в чине генерала? Иначе как он мог попасть на прием к министру? Если чин у него генеральский, то местного кукловода, обладающего своеобразным чувством юмора, пожалуй, можно уже сейчас начать принуждать к прикомандированию его к нам. Есть, однако, тут одна небольшая трудность – он у них уже проходит по категории «враг», назначать его сотрудником этого специально-циркового отдела министерства безопасности не станут. Значит, он должен проходить по категории вольнонаемных, нет, лучше – вспомогательного персонала.

Никаких адъютантов, денщиков и слуг мне здесь по статусу не положено. Ага. Есть контакт. Придумал. Я же тут вне закона и принадлежу другой империи, поэтому любой меня может убить без правил (что трудно, ввиду наличия команды телохранителей – они-то не вне закона), либо вызвать на дуэль. Но в этом случае я имею право на секунданта-соотечественника, а таковых здесь просто нет, даже дипломатов. Так что им никуда не деться, им нашего человека придется выпустить из узилища и приставить ко мне в качестве потенциального секунданта, иначе они нарушат права собственных же подданных. Незадача выйдет только в том случае, если он не мой соотечественник, а абориген, но и в этом случае я вправе делегировать именно ему полномочия секунданта и настаивать на том, что иные кандидатуры для меня неприемлемы. Никуда им не деться, кроме как сказать, что, мол, извини, мы его уже грохнули. Но этот номер у них не пройдет.

Пункт три. По значимости он поважнее предыдущих будет, а вот по очередности выполнения он имеет шансы со временем и тридцать девятым стать. Необходимо выяснить личность кукловода – того, кто со мной тут игры играет и заправляет тут всем. Подозреваемых шесть человек: император, Паук, принцесса Атуан, трое сыновей императора. Кажется очевидным, что никто иной здесь не смог бы вмешаться в игру. Правда, есть вариант: Паук в качестве доверенного лица одного из остальных пяти. Или еще один вариант: приказы императора, юмористическое исполнение Паука. Следовало бы поискать информацию на трех сыновей императора, но я эту мысль отбросил. Когда заказываешь материалы о принцессе, это воспринимается как единственная возможная модель поведения, обожать ее и интересоваться ей – это уже мода и некий культ. Если же закажу материалы по братьям, наблюдатели истолкуют это как подготовку к началу враждебных действий. Кроме того, не исключено, что вся необходимая информация по братьям у меня уже есть – ее любезно сообщил мне капитан. Информация есть – ясности нет. Наиболее подозрительны двое: Паук и принц Стоксфол. С Пауком все ясно: ему по должности положено быть и автором, и исполнителем изощренных комбинаций. Стоксфол выглядит наиболее подозрительным потому, что пятнадцать лет назад он был начальником разведуправления. Это само по себе означает, что он тоже потенциально способная к комбинированию личность. А пятнадцать лет навешивают нехорошие ассоциации с операцией против моей сестры – она ведь проводилась в империи Дортис, то есть, если он тогда был у руля, именно он является главным организатором операции, а вовсе не Паук, или кто там тогда был вместо него. Нет, тогда именно Паук и был, иначе бы майор Дорс не высказывал бы о нем столь личных оценок. Есть, правда, еще вариант, что откровения Дорса – дезинформация, но тогда Дорс – безродный сирота-смертник, потому что вот тогда, именно за намеренную ложь по поводу смерти Алисы, род Дорсов гарантированно получит в кровники род Версорио. Если вопрос не прояснится естественным образом, пожалуй, плюну на собственные правила и залезу в башку майору. Пятнадцать лет назад императрица упросила меня дать слово не лезть в это дело, я и не полез. Не верила она, что в восемь лет я сделаю что-нибудь правильное по этому поводу, но сейчас-то дело само на меня лезет, так что, извини, мама.

Минут через сорок мы прямо с балкона (площадки осмотра?) улетели на флайере в неполном составе: двоих пока безымянных для меня телохранителей оставили в «номере», им обедать, наверное, не полагалось. Впрочем, троице «капитан-майор-полковник» виднее, когда и в каком порядке должен обедать рядовой (или сержантский?) состав. Кукловод в своем чувстве юмора непоследователен, иначе эти четверо и должны быть генералами. Мысль эта меня занимала всю дорогу. Давно прошли времена, когда по лицу, внешности человека, достигшего совершеннолетия, можно было определить возраст с точностью плюс-минус лет пять. Сейчас в лучшем случае – плюс-минус тридцать-сорок лет, то есть этим четверым ребяткам может быть от двадцати до семидесяти лет. Еле удержался от искушения пролезть двум из них в мозги, чтобы прояснить этот вопрос. Воздержался вовсе не потому,

что побоялся засветиться перед полковником. От него я бы смог бы спрятаться. Нельзя нарушать собственные правила. Игра должна быть честной, равное – равным, иначе смысла у игры нет. А в таком случае нет и самой игры – лишь глупый никому не нужный фарс. Абсурдность троицы «капитан-майор-полковник» все-таки худо-бедно логически залегендирована была. Если эта четверка окажется генералами, то возможно ли хоть какое-нибудь логическое обоснование этому факту? Фактор времени – четверка вместе с майором были первыми сотрудниками, получившими указания относительно меня. Это означает, что если они генералы, то кукловоду потребовались считанные минуты для того, чтобы придумать весь план игры со мной и начать его осуществлять. Какой из этого вывод? А вывод из этого следующий: если эта четверка – генералы, то обыграть кукловода будет очень трудно, так как это очень сильный игрок, а организованный таким образом балаган (если поучаствовать в нем сколько-нибудь продолжительное время) – мощнейший инструмент для пропагандистских целей. Я сильно рискую здесь, но не жизнью, а стать посмешищем. Кроме того, кандидатуры императора и Паука в этом случае можно смело отбросить. Зачем императору такие тонкие молниеносные маневры? У какого министра безопасности хватит полномочий для самостоятельной игры с таким размахом? Это либо один из трех братьев, о которых все-таки мало знаю, и из них тогда нельзя отбрасывать никого (этот вариант теперь кажется самым желательным для меня), либо принцесса Атуан – в этом случае я уже проиграл вчистую. Почему проиграл? Очень просто. Если это она за всем стоит, то она хочет от меня следующего: во-первых – обыграть, во-вторых – заставить жениться на себе (горе побежденным: они должны платить контрибуции). Или: во-первых – проиграть в достойной борьбе, во-вторых – заставить жениться на себе, сдавшись на волю победителя. Отчего я так подумал? Опять все очень просто: кровная месть – занятие мужское. Император и братья доверили бы ей операцию против меня, кровника, только в том случае, если бы она им прямо заявила, что собирается не убивать меня, а заставить жениться. В этом случае я проиграл сразу, как только появился на терминале прибытия – заранее был обложен со всех сторон. Бежать поздно: если бы не откровения майора о смерти сестры, мне следовало бы бежать прямо сейчас. Эти откровения и сама личность майора отвечают за несмешную часть моего вояжа сюда – это пуля, которую всадят в спину в случае бегства, причем вне зависимости от того, подлинной была эта информация или нет.

Каким же я был самонадеянным болваном, когда появился здесь, радостно предвкушая, как поставлю эту империю на уши и изрядно развлекусь! Брат, скотина, поставил меня в это дурацкое положение, слив информацию обо мне и предопределив, тем самым, мое поражение.

Может, я рано запаниковал, может быть, эти четверо – не генералы? Или кукловод – кто-нибудь из братьев Атуан? Нет, собственные магические способности, находясь в сознании, можно заблокировать, а интуицию – только перейдя в бессознательное. Она уже у меня сработала и вопила дурным голосом о том, что я в ловушке.

Спокойно. Безвыходные ситуации бывают, однако их ничтожно мало. Выигрыш и проигрыш в игре для меня совершенно одинаковы по последствиям. Единственный шанс на спасение и сохранение лица дает прерванная игра или ничья.

Местечко действительно выбрали тихое: ресторан небольшой, уютный, выполненный в серых и темно-серебряных тонах. Ясен пень, пока мы сюда летели, посетителей отсюда по-быстрому попросили. После того, как метрдотель спросил нас, не доверим ли мы ему выбор блюд, или есть какие-либо особые пожелания, все посмотрели на меня. Я дал согласие. При других обстоятельствах я, пожалуй, пожелания высказывал бы хоть и молниеносно, но после минимум получасового допроса свидетелей. Люблю я это дело – выяснить, что в ресторане имеется самое лучшее, и получить это. На два столика начали накрывать моментально. Мы расположились в стороне от этой суеты. Решил, что пора попытаться добиться

хотя бы ничьи. Пора закрывать балаган, пока не набежали зрители, а то придется мне быть в нем дурачком.

– Капитан, а что это тем двум ребятам накрывают отдельно? – начал я. – Разве не правильным было бы, если бы мы сдвинули столы и, так сказать, пообедали совместно? Распорядитесь, пожалуйста.

Выражение лица капитана быстро сменилось несколько раз, пока не приняло вопросительный вид. Вначале, наверное, он подумал обо мне как о слабоумном, хотел напести что-нибудь вроде того, что часть телохранителей должна находиться на некотором отдалении от охраняемого объекта. Потом, наверное, решил сказать что-то о месте рядового и сержантского состава в табели о рангах. Потом, должно быть, вспомнил, что почти наверняка у меня есть ответ на любое его заявление, и решил просто вопросительно посмотреть. Майор спокойно посмотрел на капитана и явно не собирался говорить. Полковник развеселился и тоже стал ждать ответа от капитана. Я решил продолжить:

– Или генералам зазорно сидеть за одним столом всего-то со средним и старшим офицерским составом?

– Знаете, Лон, – полковник не выдержал и хрюкнул от сдерживаемого смеха, – я тоже недавно подумал о том, что меня незаслуженно обидели, что моими подчиненными просто обязаны были назначить генералов. Но, Лон, у всего должна быть мера. Я все-таки полковник службы охраны императора, я в лицо знаю практически всех генералов и адмиралов империи.

Я его веселья ни в малейшей степени не разделял. Если бы он говорил правду – был бы до одури счастлив. Поэтому просто из принципа решил испортить ему настроение и дать в полной мере осознать, как это неприятно, когда из тебя сделали клоуна.

– Просто обхохочешься. Никакой меры у этого цирка нет. Не знаю, утешит ли вас тот факт, что главным дурачком в этом цирке сделали все-таки меня. Вы все можете с полным правом считать себя не клоунами, а подсадными зрителями. Когда мы вылетали сюда, я, как и вы, полковник, считал себя самым умным из всех возможных умников. А теперь же чувствую, что меня бессовестно и цинично надули, и даже знаю, кто и зачем.

Капитан, майор и полковник смотрели на меня, не пытаясь скрыть изумления: так, будто у меня только что одновременно выросли оленьи рога и ослиные уши. У двух других участников кордебалета были каменные физиономии, словно они ничего не слышали и разговор их никак не касается.

– Ага. Вижу, вы трое использовали втемную. Значит так. Капитан, дайте команду местному персоналу не отсвечивать здесь, накрывать вон там, на веранде, причем один стол на всю компашку, заодно пообещайте отрезать им уши, если немедленно не поставят здесь шумоподавительную завесу. Ваш дурацкий отдел, который вы с сегодняшнего дня возглавляете, вряд ли просуществует до завтра, но о секретности вы обязаны позаботиться, если вы, конечно, не хотите поразвлечься перед уходом, занявшись физической ликвидацией всего местного персонала.

Капитан сообразил все быстро. Он понял, что если даже я и сбрендил, то в этом случае целесообразнее всего было бы выполнить мои указания. Сам он, однако, никуда не побежал, а многозначительно посмотрел на майора, коротко кивнул и повел в сторону веранды подбородком. Майор тоже никуда не побежал. Он слегка откинулся на спинку и задумался секунд на десять. Потом ожил.

– Все. Завеса стоит. Этих здесь тоже не будет, пока не разрешу. Накрывать теперь будут там. Один стол на всю компашку, точнее, три сдвинутых стола.

Я приглашающе махнул двум безымянным ребяткам.

– Давайте, ребята, подсаживайтесь поближе. Обсудим, так сказать, некоторые весьма интимные вопросы.

Ребятки дождались кивка майора, взяли свои стулья и подсели поближе.

– Ну, господа генералы, разъясните господину полковнику, как получилось, что он в лицо вас не знает? Заодно представились бы, что ли. Какой теперь смысл физиономии кирпичом делать?

– Генерал-майор десантных войск Глан Родерик.

– Контр-адмирал военно-космических сил Торс Вендерон.

Теперь рожи кирпичом стали у сладкой троицы. Генерал с адмиралом посмотрели друг на друга. Продолжил генерал:

– Господин полковник не знает нас в лицо по той причине, что очередные звания мы получили непосредственно перед тем, как стать слушателями Академии Генерального штаба империи. Гофмаршал нашими новыми погонами у нас перед носом помахал и спрятал их. Сказал приходить на официальное вручение через три года. Участниками местного балагана нас назначили под предлогом сдачи практики по курсу «Прикладная психология выживания». Не знаю уж, на чем мы прокололись, но теперь, наверное, у нас будут некоторые неприятности. Едва ли нам выставят сколько-нибудь приличные оценки за практику. Двое оставшихся в отеле – генерал-майор десантных войск Тимоти Роджерс и генерал-майор войск дистанционной атаки Шональд Вейбур, обстоятельства аналогичные.

– Не сгущайте краски, генерал. Полагаю, с практикой у вас будет все отлично. Об этом позаботится тот, кто организовал вам эту работенку, уж он постарается, чтобы преподаватели в академии не узнали ее подробностей. Кроме разве что одного из преподавателей – принца Стоксфола. С вами тоже поступили не очень честно. Когда выяснилось, что у капитана в подчинении майор, а у того, в свою очередь, – полковник, раскрытие вашего инкогнито стало совершенно неизбежным. Тем более, майор наверняка давно уже задумался, отчего ему в командировку не разрешили взять кого-нибудь из своих настоящих подчиненных. Не так ли, майор?

– Верно, Лон. Правда, как все обстоит на самом деле, я додумался бы не скоро. Зачем эта комедия? Когда меня наняли на эту работенку, мне было не до веселья: я готовился умереть, и уже говорил почему, а теперь не знаю, что и думать.

Все выжидающе посмотрели на меня, предлагая продолжать.

– Я никого не предупреждал о своем отъезде, кроме брата. Да и ему сказал перед самым отправлением. Никакой цели визита у меня не было – рассчитывал тут поразвлечься, поиздеваться над вами. Невинно убиенную сестренку жалко, но кровную месть в обычном понимании «кровь за кровь» и «смерть за смерть» не признаю – пережиток эпохи дикости. Тем не менее, прощать убийства – глупо и преступно. Вот и подумал, что прибуду сюда, начнутся на меня покушения всяческих силовых органов, убивать в ответ не буду, но опозорю так, что над этой кровной местью во всем этом Рукаве посмеялись бы. Брат же мой подумал, что я еду сюда войнушку устроить. Он потребовал нашего начальника разведуправления немедленно организовать передачу вашему Пауку информации о том, когда и на какой терминал я прибуду, а также о том, что не имеет ничего против, если меня здесь прикончат. В противном случае мой брат предложил не замечать моего присутствия на территории вашей империи, так как геноцид не имеет никакого отношения к кровной мести, и быть причастным к геноциду род Версорио не желает. Остальное вам всем уже известно.

После этого пауза затянулась. Цирковая труппа осмысливала информацию, и никто не хотел начинать первым, тем более что субординация, этот краеугольный камень для всех служивых людей, находилась в состоянии плачевном. Но нет, поспешил я с таким дилетантским выводом о субординации. Служивые вспомнили, что в субординации главное должностность, а не звание, поэтому все выжидательно посмотрели на капитана, предлагая ему начать первым. Заодно, наверное, злорадно подумали, что мудрые командиры всегда предлагают

сосункам высказываться первыми, а капитан поступить так не решится, поэтому он и будет этим самым сосунком. Капитан во всех смыслах не оправдал их ожиданий.

– Лон. Нам вовсе не все известно. Остались непроясненными три важнейших вопроса. Вопрос первый, насчет геноцида: это реальная возможность или блеф? Вопрос второй: я не очень хорошо знаю Паука, но не слабо ли ему было все это так организовать, или вы намекаете, что он действовал по указке принца Стоксфолла? Вопрос третий: а зачем все это так анекдотично?

– Насчет геноцида – не блеф, хотя я совершенно не планировал никакого геноцида. Я же объяснил, что даже убивать никого не планировал, но Паук ваш этого не знал, а вот кое-какую информацию он про меня все-таки имел. Не знаю, запаниковал он или, наоборот, очень уж хладнокровным и непугливым оказался, но обратился он за указаниями не к императору, а к принцессе Атуан. У него просто не было времени доложить сначала императору, потом принцессе и тут же приступить к выполнению плана, который придумала принцесса. Императору Паук доложил, думаю, со смещением по времени, как будто первому, в присутствии принцессы. Она быстро обработала императора в русле своего плана. Паук получил полное одобрение действий, которые он и так начал совершать без ведома императора по указаниям принцессы. Братья – принцы Стоксфол и Ричард – думаю, без особых расспросов организовали отправку трех генералов и адмирала на операцию. Сложнее или проще ответить на вопрос «Зачем?». Во-первых, затем, что если бы угроза геноцида была бы настоящей, то такие действия эту самую угрозу сводили бы к минимуму. Я бы как дурак ждал нападения, чтобы организовать возмездие, и не дождался бы. Если бы сам начал первым, то что вышла бы какая-нибудь юмористическая передача про то, как меня встречали, и другая, грустная, о том, как я себя потом некрасиво стал вести. Что-нибудь в этом духе. Там, где балаган, нет места геноциду. Что «во-вторых», я говорить совершенно не хочу, подумайте сами.

– Отчего вы так уверенно утверждаете, что придумала и организовала все принцесса Атуан? – заинтересовался полковник. – Не логичнее ли предположить, что принц Стоксфол все придумал, а принц Ричард и Паук ему помогали?

– Поддерживаю, – сказал генерал Родерик. – Принц преподает у нас некоторые специфические предметы и разработка такой операции как раз соответствует его уровню подготовки и мировоззрению, при всем моем уважении к принцессе Атуан. Как может относиться к военной субординации молодая девушка? А тут само понятие о военной, точнее, военноведомственной субординации сделано основным инструментом. Нисколько не сомневаюсь в умственных способностях принцессы, но не верю я, что она могла такое придумать.

То, о чем они говорили, было логично, но моя интуиция уже ответила на этот вопрос однозначно. Я не помню случаев, чтобы она меня подводила, уже привык воспринимать ее как одну из граней своего Дара. Логическое обоснование делал, исходя из известного мне результата, и не был уверен, что оно их убедит.

– Вы забыли кое о чем, – продолжил я. – Кто первоначально получил информацию обо мне и о факте времени. Ответьте, генерал, у вас на сборы, инструктаж, дорогу до терминала времени ушло не меньше часа? А инструктировал вас вовсе не принц Стоксфол, не так ли? Полагаю, что вас инструктировал майор, он же подбирал вам форму у себя по месту службы, что вас изрядно задержало. Так или нет?

– Да, по всем пунктам. Один час две минуты. Еле успели на исходную позицию, вызов последовал через три минуты, – ответил генерал.

– Прикиньте тогда: я сообщаю брату об отъезде, а через два часа и где-то пять минут мы с вами уже лицом к лицу, и это при том, что на дорогу и ожидание вызова у вас ушел час и пять минут. Давайте прикинем: брат связывается с начальником разведуправления, у него это занимает некоторое время, так как тот упирается и не хочет сдавать своего агента – пять-десять минут; готовится сообщение агенту и передается – пять-семь минут; агент при-

нимает сообщение – пять-семь минут; агент попадает на личный прием к Пауку и передает ему информацию, тем самым законопатив себя в тюрюгу – двадцать-двадцать пять минут. Бедняга ведь не знает, что его скоро выпустят. Надо будет попросить матушку отправить его на каторгу за эту его подлость, ну да ладно, отвлекся. Получается, что за двадцать пять минут максимум Паук решает, кому доложить, докладывает, этот кто-то придумывает план, план начинает выполняться. Круто. А теперь скажите, есть ли среди этих двадцати пяти минут время, за которое можно было пообщаться с императором? Вижу ответ на ваших лицах. Ну а теперь задачка попроще. Скажите, кому мог доложить Паук, зная заранее, что ему предстоит потом ломать комедию перед императором? Кто ему мог обеспечить прощение в случае чего? Неужели принц Стоксфол? Ответ опять вижу на ваших лицах.

– Но ведь Паук мог доложить в режиме конференции нескольким членам семьи, – капитан, вспомнив, видно, что он здесь главный, решил выдать еще одну рабочую версию, – например, принцессе, чтобы она обеспечила ее последующее одобрение императором, и принцу Стоксфолу – для разработки плана.

Лицо у полковника скривилось. Генерал с адмиралом резко помрачнели. Майор и без этого веселостью не отличался, но слушал он довольно равнодушно. Его этот разговор, судя по всему, не сильно задевал.

До чего тугодумы. Им торопиться некуда. А для меня продолжение балагана опасно. Наверняка для меня еще ловушки заготовили. Участие в каком-нибудь ток-шоу, которое казалось мне совсем недавно вполне отвечающим моим планам, теперь представляется мне чем-то ужасным: там же можно самый горячий материал слепить для будущей юмористической передачи обо мне. Я не против юмора, но где-нибудь в другом месте, где нет кровной вражды.

– Вы, капитан, говорите вроде бы логично, – я решил их дожимать, – но вы, как и генерал, слишком уж ослеплены харизматичностью принцессы. Вы не понимаете очевидной вещи, что в этой так называемой операции, направленной против меня – мужская хватка, но чисто женское чувство юмора и слишком уж элегантно выполненное. То, что вы называете чисто мужским пониманием субординации, на самом деле – чисто женское ее понимание. Я не очень хорошо знаю меру тактических талантов принца Стоксфола, но использование понятия субординации и машины пропаганды как средства достижения своих целей – он на такие тонкие операции не способен. Скорее всего, он и сам это осознал, когда пятнадцать лет назад подал в отставку с поста начальника разведуправления.

На последней фразе я посмотрел боковым зрением на майора Дорса – хотел видеть его реакцию. Его состояние довольно равнодушного ожидания сменилось на ожидание пули в висок – майора начало колбасить не по-детски. У него разве только губы не тряслись, и нервного тика не было, а так – чуть ли не все невербальные признаки сильнейшего страха. Вывод следующий: попадание в десятку. Его признание не было дезинформацией. Именно принц Стоксфол планировал ту операцию против моей сестры, и его отставка как-то с этим связана.

– Если хотите знать мое мнение... – продолжил я. – Разве только принц Торвальд мог родить похожий план? Финансисты – народ изощренный, но он этого не делал. Ваши принцы Стоксфол и Ричард вовсе не глупы, их планы были бы на порядок более изощренными, но вся изощренность касалась бы следующих вопросов: сколько оперативно-тактических единиц расставить вокруг меня, какое вооружение, схема условных знаков, передвижения и так далее. Честно говоря, когда сюда прибыл, рассчитывал именно в эти игры и поиграть, устроить вам козью морду по полной программе, а меня ваша принцесса нагло и цинично надула.

На этот раз пауза была непродолжительной. Капитан явно почувствовал под ногами твердую почву, тем более что остальные участники разговора вид имели угрюмый, и разговаривать им почему-то уже не очень-то и хотелось.

– Получается, что за дальнейшими указаниями мне следует обратиться к принцессе Атуан напрямую? – капитан единственный не выглядел угрюмым.

Я в душе возликовал. Наконец-то. А то хоть проси кого-нибудь отнести принцессе записку: «Извини дорогая, жениться не могу. Подробности при встрече, которую с нетерпением жду. P.S. Дорогая, если тебе некогда, я не настаиваю, заеду как-нибудь еще, не сучай».

Полковник встрепенулся и демонстративно посмотрел на капитана, как на идиота.

– Капитан, вы до этого момента производили на меня впечатление весьма шустрого и даже чересчур умненького капитана. Теперь же, когда зашел разговор про принцессу Атуан, вы как-то резко поглупели. Напоминаю вам, что за политические нюансы здесь отвечаю я. А нюансы эти таковы. Если кому-нибудь станет известно, что Паук доложил вначале принцессе, а потом выполнял ее план без согласования с императором, ломая перед ним комедию, то принцессе за это ничего не будет. Паук, скорее всего, тоже выкрутится с помощью принцессы, а вот вы, капитан, не выкрутитесь и нас всех, кроме разве что Лона, за собой утянете. В особенности это опасно, если Паук узнает, что нам все это известно. Если вы, капитан, минуя своего непосредственного начальника Паука, начнете просить указания у принцессы, демаскируя ее в этой истории, вы исчезнете быстро и незаметно, причем в этом случае никого за собой не потянете. Если вы, капитан, хорошенько подумаете, то поймете, что ни у кого ничего испрашивать не надо, а надо только подождать. Если не сегодня, то завтра принцесса Атуан лично даст вам дальнейшие указания. Только не умрите от счастья, прецеденты широко всем известны. Мне, кстати, тоже очень хочется не умереть от счастья после того, как она даст вам эти указания. Я думаю, даже генерал с адмиралом хотят того же.

Да уж. Капитан действительно дал слабину. От этих слов полковника он начал предательски краснеть. Полковник между тем продолжил:

– Капитан. Вы, как мой прямой начальник, дайте мне увольнение до завтрашнего утра, полагаю, майор возражать не будет. Обедать мне что-то расхотелось. Поеду я, пожалуй, во дворец. Надо бы срочно утрясти кое-какие нюансы с императором и принцессой, а то вся эта комедия может совсем не смешно закончиться, жить почему-то очень сильно захотелось. Честь имею.

– Знаете, господа, – раз уж я добился-таки своего, я решил, что потрошить далее их не нужно, – пойдемте все-таки пообедаем. Эти многозначительные драматические паузы в нашем разговоре уже начали раздражать. Раньше полагал, что господа офицеры и генералы во всех империях – самый жизнелюбивый народ, их не прошибешь никакими тонкими душевными переживаниями. Но в вашей империи – сплошная мыльная опера с участием не гражданских, а служивых лиц. При этом, что характерно, скоро и меня заставят играть в эти дурацкие игры – а вот фиг вам.

Как я и ожидал, жизнелюбие свое господа офицеры и генералы усиленным потреблением спиртных напитков доказывать не стали. Во время обеда физиономии у них были мрачные, ничего хорошего они для себя в ближайшее время не ожидали. Видно, не все у них тут так уж демократично, как показалось мне вначале. Императорского гнева они боялись крепко. Дорога в отель прошла в угрюмом молчании. По прибытии в отель я побрел в спальню. Надо было отдохнуть немного от разговоров и морально подготовиться к решающему действию.

* * *

Я даже заснуть не успел. Лежал, расслаблялся, думал о вечном и о себе в этой вечности, когда где-то через два с половиной часа раздался стук в дверь. После разрешения войти увидел вовсе не капитана или майора, нет. В комнату вошла принцесса Атуан, небрежно так, легким движением придвинула к моей кровати кресло, присела и стала меня серьезно

так рассматривать. Да уж, напор у этой девушки ураганный, личные разборки в долгий ящик откладывать не стала. Выглядела она, конечно, очень неплохо, но видали мы зайцев и покрупнее. Я совершенно не испытывал желания объявить ей о своей капитуляции. Как бы то ни было, она вовсе не одержала победы в игре, я также не позволил ей и проиграть – ничья. Раз ничья, то надо либо разойтись, либо начинать новую партию.

– Я бы предпочел разойтись миром, принцесса.

– Нет, Лон.

– Принцесса, я совсем не питаю к вам романтических чувств. Думаю, вы – аналогично.

– Аналогично.

– Ну и зачем тогда?

– Как зачем? Можешь со мной на ты, я разрешаю. Ты игрок, Лон. Однако из всех игр ты предпочитаешь игру людьми, манипулирование ими, я это уже поняла. Я тоже люблю поиграть в эти игры, но противника достойного не наблюдается, здесь все играют со мной в поддавки, совершенно никто не думает оказывать мне хоть какое-нибудь сопротивление. Играть против тебя мне было очень увлекательно, я тобой всерьез заинтересовалась, я совершенно не ожидала, что ты такой необычный, ты стал мне нужен.

Я решил сделать паузу в разговоре по нескольким причинам. Она начала меня сканировать, это требует времени, если ждешь подвоха. Решил ей не мешать и никаких фокусов не показывать, у меня появилось время кое-что обдумать и кое-чем заняться. Упустил как-то из виду, что существуют иные составляющие привлекательности, кроме визуальных – голос, слово, произношение, запах. Пахла она свежестью, какой-то необыкновенно легкой и ясной. Я осторожно сканировал составляющие запаха и не нашел в них ничего сильнодействующего: крем на коже лица с весьма слабой отдушкой, крем где-то в районе подмышек (наверное, именно там) тоже со слабо выраженным запахом. В общем, на теле пять разных видов кремов со слабой отдушкой, также следы запаха шампуня, но основа отдушки у всех одинаковая, то есть крема и шампунь подобраны специально. Легкий след от духов – только на одежде. Основа духов тоже без всяких искусственных афродизиаков. Получается, что основу ее запаха составлял естественный запах кожи – редкое и весьма приятное качество в женщине. От следующей мысли я даже слегка запаниковал. Дело в том, что среди запахов косметики не было обычных для почти любой женщины запахов на губах, ресницах, бровях, вокруг глаз – словом, того, что большинство женщин рисуют себе по утрам, а также запаха мыла. В самом этом факте ничего такого фантастического не было. Существует небольшой процент женщин, которые обходятся без этого рисования: в угоду своим мужьям или по каким-то религиозным соображениям. Существует также ничтожный процент женщин, которые обходятся без этого по собственному убеждению. К тем и другим общество относится, как правило, вполне благожелательно, признавая за каждым человеком право на некоторую эксцентричность. Озадачился этим фактом по другой причине. Я ведь рассматривал ее изображения последнего периода, и на всех соответствующая раскраска была, к тому же, весьма разнообразная, а сейчас ее не было, не было даже остаточных запахов. Это некий знак для меня, смысл которого от меня решительно ускользает. Тут я чуть не рассмеялся от облегчения – понял. Что-то подозрительно поглупел в ее присутствии. Я лично с таким явлением не сталкивался, но моим предкам это явление было очень хорошо известно. Она никогда себе ничего не рисовала обычным образом. На наведение этого рисунка и его поддержание она просто расходует излишки магической энергии – обычное дело для женщин, которым их Дар позволяет иметь огромные запасы энергии. Та же Ленард поступает так же, добавляя еще меняющиеся узоры по всему телу и украшения, только мне никогда не приходило в голову ее отсканировать и наблюдать этот эффект воочию. Насчет мыльного запаха еще проще: многие женщины, обладающие Даром, привыкли очищать себя именно безмыльным способом. Она просто не захотела ставить себя в глупое, по ее мнению, поло-

жение и в первую нашу встречу специально убрала рисунки. Когда она отсюда выйдет, они наверняка опять появятся. Принцесса просто не захотела, чтобы при возможном сканировании выяснилось, что на лицо наложена магическая маска для украшения.

Относительно ее голоса, произношения и речи можно было бы поэму сложить. Дело не в приятности ее голоса как такового, а в том, что в нескольких первых фразах она легко и без всякого напряжения продемонстрировала смену и тембров, и эмоциональной окраски, но самое удивительное – темповое варьирование, когда она произносила слова так, будто в барабаны стучала. С такими способностями она легко не только одного человека – толпу легко настроит и поведет, куда нужно. Никакой магический амулет ничего не покажет, никакой маг магического воздействия не обнаружит, потому что его, собственно, и нет в обычном понимании. В этом случае так называемые акустические колебания не сопровождаются выбросом магической энергии. Я так не смогу, да и вряд ли захочу. Крута девушка, ничего не скажешь. Мне теперь с ее харизмой все более-менее ясно, как ясно и то, что ей нет нужды специально поддерживать свою привлекательность для любого, с кем общается – все получается само собой, естественным, так сказать, образом. Она пошевелилась, положила ногу на ногу, слегка повернувшись при этом в мою сторону. Никаких особенных прелестей мне при этом не открылось, всего-то только симпатичные такие коленки в несколько другом ракурсе, но я отчетливо понял, что насчет зайцев был несколько неправ. Почему-то почувствовал, что за эту мою неправоту придется как-то расплачиваться. Движение ее следовало понимать как требование к продолжению разговора.

– Ты меня все-таки плохо знаешь, Атуан, – невольно начал тоже менять эмоциональную окраску и варьировать темп речи, разумеется, не так мастерски, как она это делает, а из принципа, чтобы она поняла, что мне эта игра понятна, – я действительно люблю поиграть с людьми при случае. Насчет манипулирования ими – тоже правда. Но манипулирование ближним – это то, чем занимается каждый человек на протяжении всей своей жизни. Играя с людьми, я, во-первых, играю на равных условиях, а во-вторых, проигравшему или победителю никогда не достается смерть.

Видно было, что она начала на меня сердиться.

– Ты, значит, никого и никогда не убивал?

– Отчего же, регулярно этим занимаюсь. Но к играм это отношения никакого не имеет.

– И кого ты регулярно убиваешь?

– Лучше бы тебе этого не знать. Впрочем, наоборот, лучше тебе с твоими-то способностями как раз узнать. Я убиваю заигравшихся магов, которые вдруг от своих якобы неограниченных возможностей впадают в искушение стать богами. Что характерно, такому магу скучно и неинтересно становиться добрым богом, такому хочется непременно стать потрясателем вселенского масштаба. Что бывает в тех случаях, когда их вовремя не останавливают, я полагаю, тебе известно. Ну а я один из тех, кто таких вот деятелей успокаивает. Это и есть мое основное занятие, а вовсе не игры с так называемыми обычными людьми, как ты, возможно, подумала. Сюда я прибыл отдохнуть, поразвлечься, вовсе не убивать никого. А ты со мной играла краплеными картами, братец же мой любимый помог вам еще заранее их подтасовать, скотина.

– Теперь тебе от меня тем более не отделаться. Хоть ты меня и рассердил, но ладно, я смирю гордыню, придется мне, чувствую, помаленьку к этому привыкать. Объясняю тебе, что те два офицера, которых я застрелила, вовсе не были объектами моих игр, они были дураки, а я была слишком еще неопытна и неосторожна в общении с людьми. Надеюсь, ты сейчас не будешь пошло шутить насчет приобретенного с тех пор опыта? Пока ты не сказал какой-нибудь гадости на этот счет, прочувствуй, насколько не хочу с тобой ссориться. Лучше сама скажу, что сексуального опыта у меня нет, но теорию изучила. Сейчас никто

меня целовать не лезет, а если бы попробовал, то ничего бы у него не получилось, кроме кратковременного обморока. Я внятно излагаю?

– Более чем. Объясни мне только одну вещь. Ты говоришь, что я тебе нужен. А зачем, собственно? Как ты меня собираешься использовать?

– Если ты думаешь смутить неопытную девушку, – она прямо заворковала, отчего у меня появился даже некий дискомфорт – муравьи побежали по голове, спине и бедрам, – то напрасно. Использовать я тебя планирую по твоему единственному предназначению, то есть в качестве своего мужчины и мужа. Ты у меня станешь отличным императором через некоторое время. Не волнуйся, дорогой, мой папа и сейчас не против уступить мне трон, только не вижу смысла пока торопиться. Полагаю, что перед этим необходимо хотя бы обозначить себе цели правления, иначе этот изукрашенный стул не очень удобен для сидения.

– Вот, значит, как. Ну что ж, я, пожалуй, подумаю над твоим предложением. Не скрою, оно мне лестно, но можно дам тебе ответ через месяц?

– Дурачок ты мой, Лон. Вот именно, теперь мой. Ты знаешь, я была не совсем права, когда говорила, что не испытываю в отношении тебя никаких чувств. Уже начала испытывать. Когда с детства целая империя принадлежит тебе, это не ощущается как нечто дорогое, а просто кажется естественным и единственно возможным. Ты – это другое, ты уже стал мне дорог лично, тебя я приобрела благодаря своей находчивости и предприимчивости, сама тобой овладела.

– Ну, насчет «овладела» ты несколько торопишь события, дорогая.

– Ты все-таки полагаешь, что, говоря скабрёзности, собьёшь меня с толку? Или ты думаешь, что не замечаю твоей иронии и даже некоторой издевки? Ты, дорогой мой, в отношении меня опасно заблуждаешься. Не надо со мной так. Ты подложил, милый мой, мне изрядную свинью. С самого твоего прибытия ломала голову, делала всяческие милые заготовки для тебя на ближайшую неделю, много всего придумала, а ты все это сделал бессмысленным. Сейчас ты прикидываешь, как можно подать свое пребывание здесь в информационных агентствах. Наверное, думаешь, что если прямо сейчас сбежишь (верю, что тебя это не затруднит), то в ваших информационных агентствах можно провести контригру, выставив нас болванами, которые приставляли к тебе генералов под видом телохранителей. Мол, каждый останется при своем, ничья. Дурачок, если сбежишь, все будет совсем не так. Мне мои заготовки кажутся уже совершенно ненужными. Я подожду сутки, чтобы дать тебе шанс одуматься, а потом лично перемещусь в вашу столицу. Я – единственная дочь императора и первая наследница престола, не получится сделать вид, что меня в вашей империи нет. Тем более что прибуду не с туристическим визитом, а с ультиматумом. Официально заявлю, что ты обещал на мне жениться, но даже соблазнить меня побоялся, испугался и сбежал. Уверю тебя, что твоя матушка и братец, а также две твои сестренки забудут про кровную месть, притащат тебя ко мне, перевязанного бантиком, иначе род Версорио станет посмешищем на всю округу.

Ураган по имени Атуан. Быстро она меня. Несколько минут – и полный разгром. Пора опять свести к ничьей.

– Стоп, Атуан, я на полном серьезе, без всякой издевки. Не совершай самой фатальной ошибки игрока – нельзя заигрываться, не следует ставкой в игре делать собственную жизнь.

– Ты что, мне угрожаешь? Какая пошлость!

– Нет. Вразумляю. В зависимости от моих личных предпочтений я мог бы как минимум тремя различными способами выйти из состояния проигрыша. Способ первый – твоя немедленная смерть. Способ второй – моя немедленная смерть. Способ третий – моя немедленная мнимая смерть.

– Насчет третьего способа не вполне понятно.

– Все очень просто: я делаю своего репликанта – ничуть не отличимую от меня копию, которая, ввиду изначального отсутствия в ней жизни, является моим абсолютно достоверным трупом. Далее убываю в неизвестном направлении – доказывай потом кому хочешь, что кто-то от тебя сбежал, не успев соблазнить.

Она явно была обескуражена. Такого коварства она от меня не ожидала.

– А я этот липовый труп спрячу.

– На здоровье. А что это изменит? Тем более что мой труп опять найдется, да еще и со следами пыток и насильственной смерти. Предлагаю вернуться на первоначальные позиции. Ответь мне на один вопрос: ты хочешь моей смерти подлинной или мнимой? Ведь мнимая для тебя по последствиям будет тем же самым.

– Отвечу, Лон, но только после того, как ты ответишь на мой вопрос.

– Задавай, Атуан.

– Я тебе уже призналась, что девственница. Скажи мне, пожалуйста, может и ты девственник, и именно поэтому мы не можем договориться?

– Атуан, извини меня, конечно, но более дурацкого вопроса ты, наверное, придумать не могла. Но раз уж у нас пошел серьезный разговор, то постараюсь отвечать без насмешки. Во-первых, не девственник. Во-вторых, я любую законченную шлюху в физиологическом смысле за пару минут сделаю девственницей, врачи и маги не найдут никаких следов постороннего вмешательства. Я бы и свою мать, у которой пять детей, за пару минут сделал бы девственницей, если бы у нее такая блажь возникла. Осталось бы только после этого собрать независимый конгресс магов и врачей и объявить, что все ее пятеро детей, в том числе невинно убиенное дитя Алиса, появились в результате непорочного зачатия. Я ясно излагаю?

Принцессе явно стало слегка не по себе. Внезапно ее лицо прояснело, она нашла какую-то твердую почву под ногами.

– Лон, ты напугал меня не на шутку, пожалуйста, не шути так больше. Для прояснения этих вопросов, пусть и за очень большие деньги, можно обратиться к Богине. Никакой маг или миллион магов и врачей не запутает Богиню или Ленард, ее дочь.

– Атуан, не пойму что-то твоего испуга по этому поводу, точнее, наоборот, очень даже понимаю. Теперь отвечай ты, твоя очередь.

Опять недооценил эту девушку, ей всего-то секунды три понадобилось, чтобы привести чувства в порядок и вспомнить вопрос, ответ на который она должна дать. Она и выдала весьма проникновенным, душевным таким голосом:

– Лон, милый мой, твой вопрос тоже дурацкий. Разумеется, совершенно не хочу ни подлинной, ни мнимой твоей смерти, извини, что мой ответ, в отличие от твоего, столь короток.

– Атуан, мне очень жаль, но ты проиграла, я теперь знаю твою тайну, и ты меня теперь ничем не сможешь шантажировать. – Постарался говорить с ней помягче. – Извини, теперь тебе нечем удержать меня.

Про себя смеялся от души – такая ерунда даровала мне полную победу, что просто не верится. Она посмотрела на меня изумленно-испуганным взглядом. Все-таки она очень хороша. Все. Я свободен. Полная моя победа с подавляющим преимуществом. Повисшее молчание ничуть меня не тяготило.

Удар был нанесен в минуту моего торжества самым неожиданным образом.

– Девочка, отчего ты плачешь? – раздался вдруг женский голос, который мне был знаком.

Принцесса Атуан действительно плакала и из-за слез не могла видеть толком того, кто с ней говорил. Ленард возникла на кровати рядом с креслом, взяла Атуан за руки и начала гладить одной рукой ее сцепленные руки, а другой рукой по голове. Я уже все понял. Жизнь

– качели: проигрыш, ничья, проигрыш, ничья, выигрыш и... проигрыш, теперь окончательный. Осталось только выторговать достойные условия капитуляции.

Присел на кровати, стыдливо закрыв бедра одеялом, одной рукой начал гладить руки Атуан, а другой гладить и пощипывать плечо Ленард, намекая ей, что ей лучше удалиться немедленно. Слезы вот-вот высохнут от утешающих слов, а тут как бы богиня-заступница имеет место быть. Положение – хуже не придумаешь.

– Атуан, я погорячился, я передумал, – начал свою оправдательную речь, одновременно попытался подлизаться к Ленард и поцеловал ее в щечку, по-братски так. Она мне почему-то показала кулак и растаяла. – Я на все почти готов, давай обговорим условия.

– Сейчас, подожди, пожалуйста, – она вытирала слезы, но задумчиво-сосредоточенное выражение ее лица мне почему-то не понравилось. – Я готова обсудить с тобой условия... твоей полной капитуляции.

Тут она улыбнулась, лицо ее было слегка распухшим, но все равно симпатичным. Я застыл, надо подождать, чтобы определиться, что она видела, а что нет.

– Что же ты замолчал, дорогой? Или ты не видел, что на моей стороне выступила Ленард? Мне теперь совершенно не страшны те гадости, которые ты про меня подумал и на которые намекал.

– Ты ее призвала, вот она и выступила. А какова степень ее объективности?

– Ты сомневаешься в степени ее объективности? – она посмотрела на меня оценивающе, наверное, подумала, что я издеваюсь. – Она абсолютна.

– А если я позову ее маму?

– Сиди и не отсвечивай. Если ты позовешь ее маму, то, скорее всего, ничего, кроме подзатыльника, не дождешься. Думаешь, я не догадалась ни о чем? С разрешения Богини и Ленард, моей заступницы, не буду о своих догадках говорить никому. Тебе также лучше ни о чем не говорить.

Делать нечего, придется капитулировать. Но последнее слово необходимо оставить за собой, иначе она всю жизнь мною помыкать будет.

– Атуан, слушай мои условия: даю месяц на утрясание личных и неличных дел, потом исчезаю на десять лет из этих мест, вообще из этого Рукава. Тебе будет полезно побыть некоторое время не принцессой, а «рядовой» аристократкой. У меня есть иные владения, не принадлежащие роду Версорио, там и проживем, попутешествуем по разным местам – скучно не будет.

– Владения, не принадлежащие роду Версорио? О чем ты? Как это возможно?

– Потом поймешь. Ну как?

– А что я отцу скажу и братьям? Да и вообще, ты, кажется, забыл, что это ты проигрался вдрызг? С какой стати ставишь условия, а не выслушиваешь мои?

– Отцу и братьям скажешь как есть. Они по империи пусть это объявят, как посчитают нужным. Насчет проигрыша ты сильно заблуждаешься, я твою Ленард немедленно призову к ответу – она смошенничала, гарантировав тебе защиту. С твоим дурацким маленьким секретом все ясно: ты нарушила свою девственность (не знаю чем, пальцем там или фаллоимитатором), а потом ты ее восстановила. Да это уже не имеет значения. Ты умненькая девочка, но поступаешь, как дурочка. Ты хочешь править империей, но оставила бы ты лучше это занятие своим детям. Если бы ты хорошенько подумала, то поняла, что тебе совершенно не нужно оправдываться, не следовало и мухлевать, и уж тем более не следовало свою заступницу делать соучастницей.

– А после истечения десятилетнего срока что будет?

– Там видно будет. Согласуем этот вопрос как-нибудь полюбовно, без игр дурацких, тем более что к тому моменту у нас будет пара-тройка детишек, и тебя, возможно, больше будут волновать их интересы, нежели собственные.

– Обязательно в течение месяца так круто менять свою жизнь? Мне, между прочим, еще несколько лет предстоит обучаться в академии магии.

– Такие академии повсюду натыканы. Есть много академий значительно лучше вашей. В конце концов, я могу тебя магии обучать. Круто изменить свою жизнь хочешь ты, а не я. Я как раз не собирался этого делать и еще сегодня утром даже и не предполагал, что найдется ушлая девица, которая в столь короткий срок меня захомутает. Месяц – для определенности. А чего тянуть? Хочешь взрослой жизни – поехали, не хочешь – давай разойдемся с миром.

– Вот ты гадина, со мной никто так нагло не разговаривает, даже мой отец себе такого не позволяет.

– Вот именно. Хочешь жить такой жизнью – живи. Кто тебе мешает? Хочешь в качестве мужа завести комнатного пуделя – пожалуйста, для этого у тебя пара миллиардов возможностей на выбор, а то и больше.

– Я тебя, знаешь ли, опасаться начала. Это ты сейчас на словах такой наглый, а когда до секса дойдет, такое вытворять начнешь... И будешь при этом повторять: «Хотела комнатного пуделя – никто тебе не мешал. У тебя была куча возможностей».

– Молодец. Абсолютно точно и емко обрисовала ситуацию.

– А что, если твои супермагические способности – сплошной блеф? Я вот тебя осторожно так на этот предмет проверяла, пока мы разговаривали, а ты даже и не почесался по этому поводу. Фон твой совсем не впечатляет, маскирующего экранирования никакого нет. Правда, полковник Сат рассказал мне кое о чем, но, видишь ли, в чем дело, я вначале сильно озадачилась по этому поводу, а потом поняла, что ты его просто обманул. Фокус сложный, конечно, но, если потренируюсь, могу так же легко его сделать. Как бы нам прояснить данный момент?

– Сейчас совсем не настроен на беседы по теории и практике магии. Ну, так как? Условия принимаешь?

– Тогда и у меня условие. Ты тут в присутствии аборигенов так нагло со мной себя не веди, будь паинькой. Это в твоих же интересах, а то ведь бросятся тебе голову откручивать, оно нам надо?

Я пожал плечами без особого энтузиазма.

– Ладно, согласен.

– А отчего столь кислое согласие, Лон?

– А ты думаешь, я не догадываюсь, что ты-то пока паинькой быть не собираешься? Стоит нам совместно выйти, к примеру, для общения с организованной тобой цирковой труппой, как ты немедленно начнешь испытывать мое терпение.

– Лон, я согласна на твоё предложение руки и сердца. Я этот момент представляла, конечно, несколько иначе, но теперь понимаю, что слащавая романтика все-таки не для меня. Понимаю, что потом будем страстно обниматься и целоваться, но сейчас это пока преждевременно. Я, знаешь ли, тоже еще утром не думала, что к вечеру у меня будет жених, которого сама же и заставлю быть им. Вскидывать, становиться на колени, изображать внезапно вспыхнувшую страсть, целовать ручки – этого ничего тоже пока не надо. Теперь относительно команды. Ребята жизнью, знаешь ли, рисковали. Во-первых, они не знали, что с твоей стороны ничего страшного им не грозит. А во-вторых, они до сих пор не знают, что и со стороны императора им ничего не грозит. Папе все рассказала и попросила не гневаться, он обещал. Они уверены, что теперь им конец из-за того, что слишком много знают. Поэтому потерпи, надо их успокоить, они заслужили моральную компенсацию за то, чего натерпелись. Сара, команда «включение»: на внешние пульта пока только картинку без блокировки, звук – после нашего ухода из комнаты.

– Выполнено. Будут еще указания?

– Прикажи остальным собраться в главном зале через пять минут.

– Принято.

– Ну что, Лон, семь минут тебе на приведение своей одежды в порядок, не хочешь же ты скомпрометировать девушку?

Я откинул одеяло и стал одеваться.

– Ты бы хоть отвернулась.

– Хочу получше рассмотреть свое приобретение.

– Кстати, Атуан, насчет репутации девушки: боюсь, нет уже этой репутации. Зачем тебе понадобилось для разговора идти ко мне в спальню, да еще перед этим отключить слежение за ней?

– Не изображай себя глупее, чем ты есть. Ничего с моей репутацией фатального не случилось, наоборот, она взлетела до небес. Эти хитрецы считают себя самыми умными, ничему не научились. Как только я пошла в спальню для разговора с тобой, они недолго посоветовались и выбрали смертника, которым назначили майора Дорса. Остальные в полной боевой готовности стали следить за ним. Майор Дорс звук включить побоялся, а изображение включил – и стал наблюдать за нами. Он, дурашка, не в курсе, что для Сары, как и для Главного Домового этого отеля, я – высший авторитет после императора, все остальные настройки временные. Если бы не позволила включить майору картинку, он бы и не смог этого сделать. Если бы он сдуру потребовал бы еще звук, то Сара бы наплела что-нибудь про то, что соответствующие датчики вышли из строя. Ну и что же увидел майор? Он увидел, как слепила тебя тепленького, ты мялся, кривился, пожимал плечами, закатывал глазки, а потом на что-то нехотя согласился, ручки мне поглаживал. Почему-то думаю, что Ленард он не видел. Как я плачу – тоже, потому что заранее предупредила Сару создать помехи. Ну и что будет с моей репутацией?

– А если майор умеет читать по губам?

– А я дала Саре команду, чтобы она заблокировала такую возможность. Как только ты или я поворачивались соответствующим образом, она блокировала изображение губ. Майор очень удивился этому эффекту и потребовал объяснений, а Сара ответила, что это стандартная опция – если объект наблюдается без звука, то и возможность прочтения по губам блокируется.

– Да уж, девушка, начинаю подумывать, не опрометчиво ли предложил тебе руку и сердце, не откусишь ты предложенную руку и не вырвешь ли мое сердце, пока я, доверчивый дурачок, буду почивать на семейном ложе? Твой майор сочтет меня за сумасшедшего, потому что твою Ленард я гладил по плечу и поцеловал в щечку. Что он там усмотрел, интересно?

– Ладно, Лон, хватит ныть, пошли. Ребята и так все время наших разборок никуда из главного зала не отлучались, я им время дала всякие железки убрать.

Через минуту мы уже входили в главный зал. Капитан только уже хотел гаркнуть что-то приветственное, начал набирать в грудь воздух, как принцесса махнула рукой и опередила.

– Отставить, вольно, всем присаживаться, оружие убрать, – у всех в руках были пистолеты, на плечевых ремнях – автоматы.

Когда все расселись, автоматы стыдливо так были переведены на скрытное ношение – под костюмчик, на спину. У полковника же автомат после короткого хруста и щелканья стал частью какого-то устройства вроде корсета, который находился под животом. Принцесса дождалась окончания всех манипуляций, после чего продолжила:

– Господа, позвольте вам сообщить, что важнейшая операция имперской безопасности успешно завершена. С завтрашнего дня ваш отдел расформировывается. Завтра к одиннадцати часам все, кроме полковника Конрада Сата, прибудете в дежурную часть министерства безопасности, сдадите все полученное для операции имущество и скажете им, чтобы вас доставили по месту предыдущего несения службы по моему указанию. Никаких сведе-

ний об операции никому не сообщать, разумеется, если только император лично не прикажет вам этого сделать.

Молчание было гробовым. Я тоже не шевелился и даже гримас никаких не строил, хотя очень хотелось, например, закатить глазки или хотя бы ехидно ухмыльнуться.

– Несмотря на кажущуюся легкость и даже анекдотичность операции, – продолжила принцесса, – опасность для всех вас и для империи была очень серьезной. Вот этот монстр в человеческом обличье, – она сделала легкое движение подбородком в мою сторону, – маг невиданной чудовищной силы, он мог бы нам тут такое устроить, если б захотел, что даже представлять себе это в подробностях не хочу. Благодаря вам, господа, я этого монстра приручила, но за все приходится платить, и о цене, я думаю, вы уже догадались – мне придется выйти за него замуж. За проявленное мужество вы все будете награждены. Генералам и адмиралу – какой-нибудь орден, пока не знаю, какой по статусу полагается, Наградной отдел подскажет. Сидеть! Орать «Служу империи!» будете при официальном вручении. У вас, у военных, в этом отношении непросто. С одной стороны, опасность для жизни и угроза империи, с другой стороны, кровь пролита не была, и боевых действий не велось. Кроме того, генералам и адмиралам не всегда полагается за одинаковые заслуги такая же награда, как иным офицерам. Не будь у вас таких высоких чинов – получили бы очередное звание, но извините, этого вам пока не обещаю. Полковник, у императора есть мнение, что пора назначить нового министра пропаганды и что вы для этого подходите. Поскольку император не захотел отправлять при этом вас в отставку, то быть вам также генерал-майором службы охраны императора, они, как вы знаете, в отставку не уходят. Майор, вы тоже получите соответствующий орден, но очередное звание – нет. По двум причинам: первая – разглашение информации о некоторой известной вам операции, вторая причина – незачем было подглядывать, чем мы в спальне занимались. Вы что же себе думаете, что я не смогла бы отключить картинку, если б захотела? Думаете, случайно Сара блокировала движение губ? Картинку не стала отключать только для того, чтобы вы всем стадом не ломанулись в спальню и не сорвали бы мне важные переговоры. Капитан, за то, как вы обошлись с лейтенантом Хамиш и за то, что вы потом еще про нее говорили, вас, конечно, следовало бы тоже несколько ущемить в наградах, но, с другой стороны, вы при этом, ловкач такой, помогли мне поставить ловушку для монстра. Так что быть вам подполковником, но не Таможенной Охраны. Придется вам после сдачи имущества отдела зайти в Управление кадрами министерства безопасности и попроситься к ним на постоянную работу. Скажите спасибо за это майору Дорсу, который рассказал нечто, для ваших ушей не предназначенное. Я скоро собираюсь с Лоном в длительное свадебное путешествие, поэтому если вы не смените место работы, боюсь, у вас будут проблемы с Пауком. Лейтенанту Хамиш, пострадавшей от хамского поведения капитана, – очередное звание и соответствующий орден или медаль, так как угроза для ее жизни также была вполне реальной. Она, между прочим, находилась на своем непосредственном рабочем месте и никто ее ни о чем заранее не предупреждал, в отличие от некоторых хамов.

Принцесса ненадолго замолчала, обвела всех внимательным взглядом и проникновенным голосом обратилась ко мне:

– Лон, дорогой, у меня к тебе личная просьба – изобрази, пожалуйста, что-нибудь экспромтом. А то тут эти господа, судя по их идиотским выражениям лиц, думают, что я вначале сделала из них клоунов, за счет этого устроила свою личную жизнь, а в качестве компенсации разбрасываюсь чинами и наградами империи.

Почему-то я так и думал, что такая просьба последует. Как-то я уже начал понимать и ее манеру ведения дел, и чувство юмора, поэтому мой «экспромт» был придуман заранее. Он занял доли секунды: короткое круговое движение на уровне груди указательным пальцем, поднятым вверх – жест этот требовался только для создания драматического эффекта. В ту же секунду за моей спиной на пол свалилась немаленькая такая куча всяческого снаряжения:

автоматы, пистолеты, парализаторы, парочка удавок, бластеры, базуки, огнемет, взрывчатка, два здоровых пулемета с флайера, а также масса холодного оружия.

– Извини, дорогая, ракетную установку и минный постановщик с флайера я не стал демонтировать, а то им и за ночь их обратно не поставить. И не проси, дорогая, вернуть все, как было. В конце концов, если они пулеметы приделать на место не успеют, пусть сдают как есть. Сами виноваты – принцессе надо верить на слово. Пусть и генералы ручками поработают из-за своей глупости, это полезно.

Атуан с интересом посмотрела на кучу и выдала очередной комментарий:

– Обратите внимание, господа, при этом у вас у всех имеются специальные защитные амулеты. Дорогой, верни, пожалуйста, все полковнику. Нам пора. Полковник, вы со мной и Лоном – во дворец. Чуть не забыла, капитан, то есть, подполковник, выберите из этой груды что-нибудь убойное, способное вдрызг разнести установку, на которой вам всем господа, кроме генерала Конрада Сата, после сдачи амуниции предстоит пройти процедуру. Считайте эту бандуру, которую выберете, наградным оружием от меня лично. Разрешаю сделать соответствующую гравировку. Разумеется, это оружие сдаче не подлежит. Подполковник, майор вам подскажет, процедура стандартная: заказываете специалиста по информационной зачистке, который скопирует из ваших личных процессоров всю информацию за нынешние и предыдущие сутки и зачистит ее. Именем императора прикажете доставить мне результаты копирования спецкомандой министерства безопасности. Установку после этого уничтожьте, зарядов или патронов не жалеть. Господа, всем до свидания.

Пошла на выход она почему-то в сторону нашего «балкона». Излишне говорить, что я и Конрад следовали за ней, как привязанные, никакого ордера мы при этом даже и не пытались изображать. Подошла к поручням, повернулась к нам.

– Генерал, – голос у нее стал железным, – с нынешнего момента именно вы отвечаете за всю официальную часть. Генералом вы станете сегодня, а министром пропаганды – по указу императора. Мы собираемся вовсе не во дворец. Более того, пока не состоится наше бракосочетание с Лоном, нам там делать нечего. Император в курсе. Мы отправляемся на площадку прибытия Генерального штаба империи. Только подождем некоторое время.

– Ваше высочество, – бывший полковник, хоть и стал генералом, явно трусил, разговаривая с Атуан, – разве для того, чтобы мне стать генералом, не требуется указ императора?

– Замечательно, генерал, что вы задали этот вопрос, – девушка строила генерала так, будто сама уже была императрицей, – но больше таких глупых вопросов задавать не надо. Минут через пять указ императора о вашем генеральском чине будет завизирован и вступит в силу. Или вы сомневаетесь в том, что я действую по закону? Или может быть отложить подписание?

– Простите меня, ваше высочество. Но у меня вопрос, который я не могу не задать. Где майор Данкер со своей командой? Не полагается вам никуда отправляться без них.

– Встретят нас на месте, они уже в пути. Добираются флайером. Еще вопросы?

– Ваше высочество, у меня миллион вопросов. Вы упомянули о бракосочетании и о свадебном путешествии. Зная вас, я уверен, что тянуть с этим вы не будете. Назначая меня ответственным за официальную часть, вы, как я полагаю, ждете от меня организации этих событий. Я готов. Дайте указания и полномочия.

– Про свадебное путешествие пока не думайте. Церемонию бракосочетания необходимо организовать в срок не позднее десяти суток. Даю полномочия действовать вам для этого именем императора, привлекая для этого любого, кого сочтете нужным. О плане этого мероприятия доложите мне уже завтра. Императору тоже об этом доложите. Разумеется, первому, а то я вижу, у вас с этим проблемы.

– Минуточку, – решил вмешаться я, – поскольку этот вопрос меня касается напрямую, то вот мои пожелания по этому поводу. Из-за кровной мести, которая закончится после

нашего брака, церемонию надо проводить на нейтральной территории без присутствия родственников. Минимум приглашенных. А вот репортеров нужно туда согнать побольше. Место регистрации брака – столица империи Дортис. Дорогая, надеюсь, у тебя нет возражений?

– Никаких, Лон. Генерал, вы поняли, что и дипломатов вы можете привлечь на полную катушку именем императора?

– Так точно, ваше высочество. У меня еще один глупый вопрос. Как мне теперь правильно называть вашего мужа? При нынешних обстоятельствах обращаться к нему только по имени несколько бестактно.

– Генерал, это ерунда, – голос у Атуан стал каким-то мечтательным. – Лон у меня совсем не сноб, поэтому можете обращаться только по имени. Но лишь до тех пор, пока не состоится церемония, а после нее, извините, я пристрелю любого, кто посмеет фамильярничать с моим мужем.

– А чего мы ждем? – меня как-то все-таки напрягала необходимость следовать планам и указаниям Атуан вслепую. – Зачем нам Генеральный штаб? Я так полагаю, дорогая, что там ты хочешь организовать встречу со своими братьями? Если честно, не очень хочется встречаться с ними, особенно с принцем Стоксфолом. Я бы, дорогая, предпочел вместо этого где-нибудь с тобой уединиться, тем более что при нынешних обстоятельствах это будет всеми воспринято с пониманием.

– Конечно, дорогой, мы скоро уединимся в замке Лестер. Кстати, генерал, распорядитесь и по этому поводу, чтобы все было подготовлено к нашему пребыванию там. Дорогой, встреча с братьями необходима, они должны одобрить мой выбор, ты ведь не можешь попросить моей руки непосредственно у моего отца.

– Я до сих пор не понимаю, Атуан, отчего именно меня ты захотела в мужа? У тебя же был огромный выбор.

– Дорогой, давай не будем обсуждать столь интимные вопросы в присутствии генерала?

– Ну и ну. И ты еще думаешь стать когда-нибудь императрицей? Не замечать никого и делать все, что считаешь нужным – именно так поступает любой властитель. Генерал, если начнет распускать язык о нас и наших разговорах, лишится головы очень быстро. Он это знает прекрасно. Кстати, генерал, предупредите всех в замке Лестер, что если какая-нибудь сволочь попытается подглядывать за мной или за принцессой в туалете, ванной, душе или в спальне, то за этим последует немедленная смерть без всяких разбирательств. Я только выгляжу очень добреньким. Не надо слишком надеяться на то, что Атуан на меня намордник надела – я вас тут всех построю.

Генерал смотрел на нас, слушал, но выражение лица имел несколько отсутствующее. Ясно было, что он сейчас активно общается со своим процессором. Мне он только кивнул. В это время к нам вышел майор Дорс.

– Ваше высочество, со мной связался майор Данкер, сказал мне, что вы запретили ему вас беспокоить, но он обязан доложить, что прибыл в указанное вами место и ждет указаний.

– Майор, передайте ему, что, как только мои братья будут на месте, запрет снимается, пусть немедленно связывается со мной, мы сразу же прибудем.

– Будет исполнено. Ваше высочество, разрешите идти?

Принцесса посмотрела на майора как-то оценивающе и с ответом не торопилась.

– Майор, – произнесла она, – я передумала, вы тоже отправляетесь с нами, только оставьте здесь все железки, ну вы понимаете, все оружие, а то майор Данкер не покажется вам очень милым собеседником.

Майор ничего говорить не стал, а развернулся и ринулся обратно. Не прошло и минуты, как он уже стоял рядом с нами. Хотел что-то сказать, но принцесса его остановила:

– Не надо пока ничего говорить, майор. Мы ждем. Скоро отправляемся. Не на флайере. Я нас всех перемешу.

Я подумал, что слишком уж все как-то официально и напыщенно. Надоело. Я подошел к принцессе сзади, двумя руками обхватил ее за живот, поцеловал в шею. Майора и генерала мои действия ввели в полнейший ступор. Разумеется, они вспомнили про «оскорбление действием» и совершенно не понимали, что им следует делать и как себя вести.

– Пустяки, господа, – принцесса явно решила их пожалеть и разрядить обстановку. – Лону теперь и не такое позволено. Он, знаете ли, мой жених, поэтому не надо глаза выпучивать, вам следует делать вид, что ничего особенного не происходит.

Я так и стоял, обхватив ее. Никто больше ничего не говорил. Через минут пять принцесса встрепенулась.

– Господа, нам пора. Лон, мне очень приятно находиться в твоих объятиях, но сейчас нам предстоит официальная встреча, поэтому давай отложим ласки на потом. Все приготовились. Отправляемся.

Мы прибыли. Нас здесь ждали. Первым к нам подошел человек в форме майора. Нетрудно было догадаться, что это майор службы охраны Данкер.

– Ваше высочество, ваши братья ждут неподалеку отсюда в ресторане «Лартия». Один из ваших спутников мне незнаком. Какие указания?

– Это майор Дорс, вы с ним общались. Он проследует с нами. Оружие он должен был там оставить. Знаю, что вы его захотите обыскать – на здоровье. К моему будущему мужу Лону Версорио советую не прикасаться, восприму как личное оскорбление. Ведите.

Удивительно. Охранный ордер, в котором мы двигались, включал в себя по меньшей мере тридцать человек.

– Атуан, – я не удержался от вопроса, – у тебя всегда такая многочисленная охрана? Я полагал, что для тебя в вашей империи нет никаких особенных угроз, а тут такая толпа.

– Понимаешь, Лон, мне, на самом деле, не нужны телохранители, но положение обязывает. Император определил количество охранников, я не возражала. Какая, собственно, разница: четыре человека или двадцать девять?

– Тут их вообще-то тридцать, а не двадцать девять.

– Бронвик не совсем охранник, он маг.

– А, ну да, – я сделал лицо кирпичом. – Все равно глупо как-то такой толпой охранять.

– Дорогой, что-то ты стал вдруг занудой. Какая, собственно, тебе разница? Даже если бы их было сто тридцать.

– Атуан, я просто нервничаю. Кровная месть сама по себе меня не очень занимает, но встречаться с твоим братом Стоксфолом, организовавшим операцию, в результате которой погибла моя сестра Алиса, мне сейчас не очень комфортно.

– Лон, пора заканчивать с кровной мстью во всех смыслах. Через десять дней с ней будет покончено. Поэтому тебе следует пообщаться с моим старшим братом.

В ресторан «Лартия» мы зашли без фанфар и почетного караула. Какие-то люди на входе присутствовали, но никаких разговоров и вопросов не было, нас просто молча пропустили. Мы зашли в ресторан и увидели в середине зала большой накрытый стол, составленный из нескольких столиков, за которыми неторопливо ели три человека. В лицо я их не знал, во всяком случае, всех, но кто они такие, догадаться было нетрудно.

Мы приблизились к ним, и, разумеется, принцесса взяла в свои руки церемонию представления.

– Привет, братики. Вот, привела к вам для знакомства своего будущего мужа.

– Лон Версорио.

– Стоксфол Ганетти.

– Ричард Ганетти.

– Торвальд Ганетти.

– Эти господа, – включилась в церемонию принцесса, – хорошо вам известный Конрад Сат, сегодня ставший генералом, а также майор таможенной охраны Лаки Дорс. Они примут участие в нашем разговоре.

Повернулась к майору Данкеру и распорядилась:

– Вы, майор, примите меры, чтобы наш разговор был сугубо конфиденциальным, а людей своих, пожалуйста, расположите подальше.

После этого возникла некоторая заминка, так как никто не решался взять на себя смелость отодвинуть стул, рядом с которым встала принцесса. Полагаю, что все ждали этого от меня, но я сделал рожу кирпичом, стоял и не двигался. Новоиспеченный генерал решился-таки и проделал манипуляцию со стулом, принцесса села рядом с принцем Торвальдом. Я молча прошел и сел рядом с принцессой. Генерал и майор немного потоптались в нерешительности и присели рядом со мной. Я потянулся к салатам и начал накладывать себе на тарелку.

– Лон, – принцесса была явно мной недовольна, – разве мы не договаривались с тобой? Твое поведение выглядит странным и несколько хамским.

– Извини, дорогая, мы договаривались, конечно, но сейчас не тот случай, когда я должен изображать из себя прирученного монстра. Мне эта встреча не слишком приятна, и я не вижу никаких причин это скрывать. Также совершенно не вижу причин для того, чтобы ломать комедию в надежде понравиться твоим братьям. Никакого особенного желания подружиться с ними также не испытываю. Скажу откровенно, если они не одобряют твой выбор, меня это ничуть не беспокоит. Меня совершенно не интересует их мнение по этому поводу. Я тебя решил взять в жены, а империя ваша мне не нужна, она мне совершенно безразлична, и быть в ней императором не собираюсь. Если бы я захотел, то мог бы уничтожить вашу империю. Я был бы в праве это сделать, потому что кровная месть пока не отменена. В качестве платы за то, что я не трону вашу империю, беру тебя, Атуан.

Такого заявления от меня никто не ожидал, в том числе Атуан.

– Лон, а если я передумаю быть твоей женой?

– На здоровье, мне пока рановато жениться. Если передумаешь – это будет только к лучшему. Если вы попытаетесь организовать в информационных агентствах какие-нибудь гадости против меня – я сожгу все на этой планете. Не оставлю ничего живого и ни одного строения. Вы в этом случае за смерть моей сестры заплатите по полной программе.

– Лон, – принцесса была заметно расстроена, – какая муха тебя укусила, отчего ты так взбесился? Все было так мило и душевно, а теперь всем совершенно не смешно.

– Атуан, вы тут все заигрались. Пятнадцать лет назад моя мама заставила меня дать слово, что не буду ничего предпринимать по поводу смерти сестры. Я это слово держал. Сейчас же чувствую себя полностью свободным от ранее данного слова. Вот сидит рядом со мной твой брат, который виноват в смерти моей сестры намного больше, чем майор Дорс, выполнявший приказ. Что же ты ожидала, Атуан? Что я буду мил и любезен?

– Атуан, – принц Торвальд первым решил вступить в разговор, – скажи, пожалуйста, угрозы твоего темпераментного жениха реальны?

– Тор, к сожалению, более чем реальны. Я как-то слишком самонадеянно посчитала, что полностью приручила монстра. Мне обидно до невозможности. Думала, что это я его получаю в качестве приза, а оказывается, мне придется выступать в роли откупа от монстра. Фиг тебе, Лон. Ты сделал мне предложение, я согласилась. Империи нашей ты ничего плохого делать теперь не будешь, нечего тут гадости всякие говорить.

– Не ожидал я такого крутого начала, – вступил в разговор принц Стоксфол. – Думал, что расскажу про дела пятнадцатилетней давности без излишней спешки и драматизма. Полагаю, что сейчас самое время рассказать. Принято почему-то считать, что захват вашей

сестры, Лон, был предназначен для решения вопросов торговых войн. Никто только, по моему, не подумал, что грудного ребенка для этих целей реально использовать невозможно. Кровная месть дает право на убийство, но не дает права на угрозу убийства в обмен на какие-либо уступки в торговых войнах. Получив в заложницы вашу сестру, Лон, я хотел от имени императора выдвинуть ультиматум: либо ее смерть согласно кодексу кровной мести, либо бракосочетание моей пятилетней сестры с восьмилетним принцем Лоном Версорио. Получилось же то, что получилось. Катастрофа. Да, сестренка, пятнадцать лет назад я планировал выдать тебя замуж за твоего нынешнего жениха. Отец не возражал. Вот так.

– Ну и ну, – принц Ричард тоже решил вступить в разговор. – Хочется прямо проследиться. Все-таки я не уверен, что должен отдать свою сестру монстру. Насколько я понимаю, если мы не будем предпринимать никаких враждебных действий, нам совершенно нечего опасаться. Может быть, разойдемся миром? А сестренка пусть пока останется незамужней. Неужели у нас не найдется для Атуан нормального мужа без склонностей к миллиардам смертей? Я могу тебе, Атуан, порекомендовать нескольких молодых и толковых людей, выбери. Зачем тебе это чудовище?

– Я предлагал Атуан мирно разойтись. Она сама меня принудила к женитьбе. Умудрилась для этого даже Ленард привлечь. Поэтому полагаю, что она от своего не отступит. Давайте завершим нашу встречу. Через десять дней у нас состоится бракосочетание в Кертизоне – столице империи Дортис. Вы на свадьбу не приглашены, майор Дорс тоже. Причина всем понятна. Генерал же не просто приглашен, он является главным по организации бракосочетания. Через месяц мы отправляемся в свадебное путешествие, которое продлится десять лет. Подберите человек пять, не больше, для сопровождения принцессы и для передачи весточек на родину. А вопрос очередности наследования в вашей империи мне безразличен. Совершенно не желаю быть у вас императором. Через десять лет у нас будет паратройка детишек. Если кто-нибудь из них будет провозглашен первым наследником – не возражаю. Если же кто-нибудь из вас троих захочет стать императором, я тоже не возражаю.

– Подождите, Лон, – заволновался принц Торвальд, – не надо так торопиться. А приданое? Моя сестра, знаете ли, вовсе не бедная девушка. Более того, она девушка весьма обеспеченная. Если моя сестра не возражает против десятилетнего вояжа, то, знаете ли, я должен некоторые активы ликвидировать в согласованном порядке, снабдив ее свободными средствами. Этот вопрос надо обсудить. Куда вы так торопитесь?

– Тор, – принц Ричард выглядел весьма недовольным, – отчего ты так спокойно принял известие о том, что этот монстр нашу любимую сестренку собираются увезти на десять лет? С какой стати? Зачем? О деньгах каких-то дурацких волнуешься. Что за дикость? Я категорически возражаю. Хотите путешествовать? Пожалуйста. Но отчего свадебное путешествие должно растянуться на десять лет?

– Десять лет нужно для того, – я не скрывал своего раздражения (надоели они мне уже, хотелось с принцессой пообщаться наедине), – чтобы принцесса оставила мысль стать императрицей и сделать меня императором, чтобы она посмотрела иные миры, чтобы ей успеть осмотреть хотя бы часть своих новых владений, и вообще, не ваше это дело. Я у вас ее забираю. Приданое меня мало интересует. Не надо ликвидировать никакие активы. Через десять лет или раньше она даст указания на этот счет. Давайте завершим все-таки нашу встречу, в конце концов, хочу пообщаться с Атуан в интимной обстановке, у нас совершенно не было для этого никаких условий и времени. Если уж у меня появилась невеста, хочу пообщаться с ней наедине, а не устраивать конференцию о наших с ней отношениях.

Завершились наши милые семейные посиделки совсем не смешно. Майор Дорс воткнул столовый нож себе в сонную артерию, и жить ему оставалось считанные секунды. К нему ломанулись подчиненные майора Данкера, но попадали, как кегли. Я подскочил к майору, положил руку ему на горло, сосредоточился, сделал.

– Ваша жизнь, майор, – я был уже совсем раздражен, – теперь принадлежит мне во всех смыслах. Мне следовало бы вас убить, но я этого не сделал. Вы же сами говорили, майор, что у вас четверо детей и два внука. Отчего вы вдруг решили покончить с собой? Если бы не я, вы уже были бы трупом.

– Ваше высочество, я понял, что совершил пятнадцать лет назад, – майор поднялся, выглядел подавленным, – раньше я думал, что выполнял преступный приказ, меня это несколько оправдывало в своих собственных глазах, а сейчас, когда я узнал... После такого жить не хочется совершенно.

– Называть меня высочеством рановато как-то или вы, майор, не в курсе? Через десять дней это будет уместно, а сейчас нет.

– Как вы правильно заметили, Лон, моя жизнь теперь принадлежит вам. Что мне теперь делать?

– Вы, насколько помню, майор таможенной стражи? Атуан, господа принцы, слушайте мои указания и попробуйте только не выполнить их. Человека, который слил информацию обо мне и моем прибытии к вам, нежно повязать бантиком, сегодня же отправить в Ливермор, хоть он и подлец конченный. Вот этот конкретный майор таможенной стражи, обязанный мне теперь жизнью, будет теперь нашим с Атуан главным телохранителем. Раз так, желаю, чтобы он был генералом службы охраны вашего императора. Таков мой каприз, попробуйте только не уговорить императора. Срок исполнения – сегодня. Атуан, нам пора. Выдвигаемся, мне не терпится пообщаться с тобой наедине.

Вышли мы быстро, четыре флайера красиво приземлились перед входом. Далее возникла заминка. Не сразу сообразил, в чем тут дело, однако задержки меня раздражали уже не на шутку, поэтому я гаркнул:

– Что происходит? Майор Данкер, вы что, не поняли, что поступаете в распоряжение будущего генерала Дорса? Давайте быстрее утрясите все необходимые детали. Нам пора выдвигаться.

После этого прошло всего пять минут, после которых мы и вылетели.

– Извини, дорогой. Мне нужно пообщаться с папочкой.

После этого Атуан переместилась в кенгурятник, развернув к себе информационную панель. Восемь бойцов, которых она оттуда выгнала, облепили наши кресла. Извиниться они даже и не подумали. Была кем-то поставлена завеса, Данкером, наверное. Разговор принцессы было совершенно не слышно, но видно было, что вела она его весьма эмоционально. Через некоторое время беседа была окончена. Принцесса прошла к своему креслу, которое, разумеется, никто и не подумал занять. Бойцы вернулись на свои места в кенгурятнике быстрее, чем принцесса опустила в свое кресло.

– Лон, поздравляю, мой папа дал согласие на наш брак. Майор Дорс, вас тоже можно поздравить – через пару минут вы станете генералом службы охраны императора. Великолепная карьера для человека, который убил ребенка, к тому же, как теперь выяснилось, мою родственницу. Майор Данкер, надо ли говорить, что вы теперь подчиняетесь генералу Дорсу? Если вы, майор, по этому поводу позволите себе какие-нибудь откровения для публики – вам конец. Дорогой, я все сделала, что ты хотел, ты мной доволен?

Майор Данкер и до этого пережил некоторое потрясение. После этих слов принцессы он выпал в осадок совершенно. Он явно перед этим рассматривал меня как объект, которому следует половчее всадить заряд в голову. Его личная вселенная перевернулась. Его взгляд был неопишем.

– Ваше высочество, – выдавил он из себя, – правильно ли я понимаю, что теперь мне надо сдать полномочия, касающиеся охраны вашей особы?

– Вы будете отныне выполнять указания генерала Дорса. Если он захочет вас заменить, он это сделает. Хватит разговоров, надоело. Генерал, обеспечьте по прибытии наше уедине-

ние с Лоном без всяких задержек. Проследите также за тем, чтобы никакого слежения за нами не было, застанете за слежением кого-нибудь – пристрелите на месте. В конце концов, имею я право на интимное общение со своим собственным женихом или нет?

– Атуан, а ты ничего не забыла? Я, знаешь ли, не вполне тобой доволен. Что насчет человека, о котором я говорил?

– Дорогой, с этим человеком не все так просто. Его поселили в отеле «Вепрь» по соседству от тебя и практически одновременно с тобой. Меня заверили, что никакого потрошения в отношении него не производилось. Никто его не тронет и в дальнейшем. Он будет там до самого твоего отъезда. Его отправят сразу после тебя в качестве свадебного подарка.

– Глупости, Атуан. Распорядись, чтобы его отправили сейчас же. Я не желаю с ним встречаться и никакой благодарности к нему не испытываю, наоборот, я бы ему стукнул пару раз по физиономии. Давай, дорогая, передай вашему Пауку, что я ему пасть порву, если он не решит этот вопрос немедленно.

Принцесса опять переместилась в кенгурятник, опять восемь бойцов облепили наши кресла. Майор Данкер смотрел на меня взглядом затравленного зверя.

– Лон, дорогой, – принцесса опять плюхнулась в свое кресло, бойцы опять проскользнули в свой кенгурятник, – Паук распорядился об отправке твоего человека.

– Атуан, это не мой человек, я ему по роже стукну при случае. Ага, дорогая, ты решила меня подразнить?

– Прошу прощения за то, что вмешиваюсь в ваши игры, но мы прибываем через три минуты, – генерал Дорс рожу держал кирпичом, выражался сугубо по делу. – Если кто-нибудь сдуру будет за вами подсматривать, я лично пристрелю такого наглеца, можете не волноваться. Ваше высочество, не надо больше напоминать мне про невинно убиенное мною дитя. Я теперь совершенно не переживаю по этому поводу – знаю теперь, что искуплю. Моя жизнь теперь принадлежит Лону и его детям, вашим детям, ваше высочество. Майор Данкер, уши развешивать не надо, надо запросить немедленно группу встречающих, займитесь.

Вот и оказались мы с Атуан в спальне замка Лестер.

– Лон, я, если честно, побаиваюсь. Разумеется, я знаю теорию, ну там позы всякие, оральный секс, анальный секс... Пожалуйста, не надо никакого анального секса, не хочу и боюсь, правда.

– Атуан, правильно ли я тебя понял, что начать ты хочешь с орального секса, а далее приступить к различным позам?

– Лон, пожалуйста, не надо со мной так...

Не стал я слушать ее совсем, губы ее запечатал своими губами. Далее последовал полный набор различных надругательств над девичьим телом, которое стало очень скоро телом женщины. Запах от нее был одуряющим. «Запах женщины» – мне это выражение что-то определенно напоминало, оно будило целую цепь ассоциаций, но совершенно не мог вспомнить первоисточник этих ассоциаций.

Лежал умиротворенный и не думал ни о чем. Атуан приятно сопела мне в подмышку.

– Первого своего ребенка посвятите мне, – раздался вдруг голос. – Без меня у вас ничего и не вышло бы.

Атуан приподнялась, посмотрела изумленно, но с ответом не задержалась.

– Ленард, почему только первого? Я всех своих детей готова посвятить вам, ваша милость.

– Всех нельзя, девочка, один должен стать новым Черным бароном. Мне жаль тебя, девочка, твоя любовь довольно скоро приведет к смерти твоего избранника. Мне Лон небезразличен, он мой родственник, об этом ты уже и сама догадалась. Он сейчас такой молодой, а ты им с моей помощью завладела. У вашего рода отныне будет хранитель – Черный барон.

Девочка, прощай, помни, что ты обещала мне посвятить всех своих детей, кроме последнего сына.

Ленард растаяла. Атуан посмотрела на меня требовательно.

– Лон, у меня не было галлюцинаций? Ты видел и слышал то же самое, что и я?

– Да, Атуан. Но не стоит так уж ей верить. Я, разумеется, когда-нибудь умру, но случится это нескоро. Ты не будешь виновата в моей смерти никаким образом. Кроме того, Ленард обладает многими талантами, она может легко и без особого напряжения добыть любую информацию о прошлом и настоящем, но в отношении предвидения она совершенно некомпетентна, поверь мне.

– Что она говорила о Черном бароне? Мне это представляется чем-то знакомым. Каким образом ты являешься ей родственником?

– Атуан, сейчас на эти вопросы в полной мере отвечать не буду. Потом – может быть, но твердо тебе этого не обещаю. Существуют тайны, знать которые не следует. Ты считаешь, что Богиня и Ленард – боги, но это не совсем так. Черный барон – это ныне я, после моей смерти им станет мой младший сын. Именно как Черный барон имею некие владения, не принадлежащие роду Версорио. Пока, давай, больше на эту тему говорить не будем.

– Тогда скажи мне, Лон, зачем ты вдруг захотел сделать Дорса генералом? Я была очень сильно этим озадачена. За какие такие заслуги? За то, что он, пусть и случайно, убил твою сестру?

– Именно поэтому, Атуан. Он сам оказался на грани жизни и смерти в результате гибели моей сестры. Когда я его спасал после несостоявшегося самоубийства, сделал это путем не вполне нормального исцеления, так как не оставалось времени. Влил в него часть своих жизненных сил и только после этого исцелил. Он теперь повязан со мной жизнью вовсе не формально, а – по сути. Если его сейчас предоставить самому себе, его дальнейшая жизнь будет недолгой и несчастливой. Теперь для дальнейшего нормального существования ему нужен я. Раз так, решил предоставить ему такую возможность официальным, так сказать, способом. Он даже сам этого не вполне понимает. Он думает, что его привязывают ко мне сугубо моральные обстоятельства. На самом деле его связь со мной намного крепче. Назначая его нашим главным телохранителем, я принял единственно возможное при данных обстоятельствах решение.

– Ты не ответил. Почему генералом?

– А каприз у меня такой. Захотелось вас тут всех немножечко построить и напрячь. Если позволять тебе мной помыкать, ты начнешь это делать сверх меры. Надеюсь, ты уже понимаешь, что если будешь вести себя слишком уж отвязно, я тебя поставлю в какую-нибудь неприличную и неудобную позу, и буду усиленно оскорблять действием?

– Какой ты все-таки хам. С принцессами надо общаться как-то более уважительно.

– Предполагаю, что тебе от меня не нужно никакого уважения, а хочется тебе, как и любому человеку, любви.

– Ну, так и скажи мне, что ты меня любишь.

– Непременно, но не сейчас, а когда для этого представится подходящий повод или случай.

– Какой повод или случай?

– Который ты и организуешь. Ты умненькая, ты сможешь.

– Слушай, что-то совсем не хочу вставать и куда-то идти, чем-то там заниматься или с кем-то говорить. Давай лучше продолжим заниматься всякими неприличными вещами.

И мы продолжили.

– Дорогой, мы уже более суток не выходим из спальни. Не могу сказать, что мне это не понравилось, скорее, наоборот, но не до самой же церемонии бракосочетания мы тут будем кувыркаться? Надо, пожалуй, выйти куда-нибудь развеяться. Правда, мне не приходит пока в

голову, куда бы нам отправиться. Я, знаешь ли, изрядно поглупела что-то в результате твоих надо мной многочисленных надругательств. Возможно, у тебя будут какие-нибудь интересные мысли на этот счет?

– Ничего такого особенно оригинального в голову не приходит. Но зачем оригинальничать? Появляться в императорском дворце или в студии какого-нибудь информационного агентства, полагаю, совершенно неуместно. Экскурсии и спортивные мероприятия также не представляются мне достойной тратой нашего времени в нынешних условиях. Наиболее логичным будет отправиться в ваш самый крутой ресторан и пообедать. Если у вас тут их несколько, то пусть генерал Сат займется этим вопросом и подготовит нам полный список самых престижных и самых лучших, это не всегда одно и то же. Полагаю, что он сможет запытать по этому поводу ваших дворцовых прожигателей жизни. Я посетил пока только два образца ресторанного бизнеса, тогда я был по делу и не получил никакого удовольствия. Сейчас, думаю, самым уместным будет заняться их посещением на регулярной основе. Только позволь мне давать инструкции по этому поводу генералам Сату и Дорсу. Дело в том, что без инструкций эти господа рискуют впасть в крайности: они либо начнут совершенно беспардонно и нагло выбрасывать из приличных заведений прочую публику, либо мы получим толпы глазеющих на нас зевак и репортеров. Оба варианта одинаково неприятны.

Был приятно удивлен тем фактом, что выдача инструкций по поводу посещения нами ресторанов не вылилась в долгое и нудное перечисление того, что бы мне хотелось и как бы мне этого хотелось. Генералы Дорс и Сат быстро поняли, что от них требуется, затруднения у них вызвало только обдумывание плана действий. Им не хватало опыта в таких мероприятиях, но тут, как ни странно, вмешался майор Данкер и с ходу выдал описание нескольких вполне приемлемых вариантов для выполнения моих пожеланий. Для него, оказывается, это были задачки простенькие, так как для таких, как он, существуют какие-то специальные тактические тренинги.

Мы сидели в ресторане «Ольвия». Вполне милая обстановка. Почти полный зал посетителей, но нас разместили несколько в стороне от остальной публики. Допуск новых посетителей был после нашего прибытия закрыт, но тех, кто там был до этого, никто выгонять не собирався. Нас разглядывали с интересом, но старались это делать ненавязчиво. Согласно заготовкам майора Данкера, перед нашим прибытием они были предупреждены от имени службы охраны императора, что слишком уж невежливое внимание по отношению к нашим особам неуместно и нетактично. Имел возможность спокойно и не торопясь выполнить свой обычный ритуал по опросу местного мэра и его ближайших помощников. Такая неторопливость и дотошность им явно польстила, принцесса же развеселилась не на шутку.

– Лон, не ожидала, что ты можешь быть таким занудой. Я сама, знаешь ли, тоже люблю вкусно поесть, но мне как-то и в голову раньше не приходило, что для этого надо идти в ресторан и устраивать в нем такое представление. Я полагала с самого детства, что для того, чтобы меня вкусненько накормили, надо прийти к кому-нибудь из дворцовых поваров, лучше всего – к метру Корнелю, и вежливо так попросить сделать что-нибудь необычное или, наоборот, обычное из уже любимых блюд. Всегда действовало. Знаешь, как он готовит?

– Атуан, не смей меня. Верю, что ваш метр Корнель мастер своего дела. Есть только один нюанс: едва ли метра вашего можно положить в карман и вытаскивать только тогда, когда захотелось вкусно покушать. Запомни, что метр кулинарии должен совершенствовать свое искусство постоянно, и делать ему это лучше всего не во дворце, а там, где слоняются толпы всяких разных людей. Из этого разнообразия ценителей они и черпают свое кулинарное вдохновение. В замке Лестер, судя по всему, тоже неплохой повар или повариха. Тем не менее, думаю, ты очень скоро поймешь, что могут быть и иные хорошие кулинары. Разнообразие в еде делает жизнь значительно приятнее.

– Лон, – ее лицо вдруг стало серьезным, – мне как-то вдруг стало не по себе. Я почему-то сейчас вдруг поняла, что забеременела. Как-то это несколько странно, мы с тобой только чуть больше суток, а я вроде бы уже...

– Что же тебя удивляет, Атуан? Я заметил, что ты девушка очень быстрая. Тут, видишь ли, еще сыграло роль то, что ты усиленно мысленно призываешь Ленард, не исключено, что она тоже приложила к этому руку. Я, знаешь ли, мог бы сделать себя на время стерильным, но совершенно не вижу причин для этого. С какой стати?

– Что же делать, Лон?

– В каком смысле, дорогая? Ты, знаешь ли, обещала посвятить всех своих детей, кроме одного, Ленард. Если ты попробуешь что-нибудь предпринять против твоей будущей дочери, то вступишь с Ленард в состояние войны, да и с Богиней тоже. Было бы уместно, если бы мы назвали ее Алисой. Наши с тобой предки заплатят таким образом за смерть моей сестры. Твою кровь, пролитую при рождении нашей дочери, обменяем на иную кровь, пролитую (или просто переставшую течь) при иных, весьма неприятных обстоятельствах.

– Я имею в виду не это, Лон. Постой, с чего ты решил, что у меня будет дочь, почему ты так сразу поверил, что я забеременела?

– Я почувствовал это в тот же момент, что и ты, между нами связь жизни, Атуан. Отчетливо чувствую, что это будет дочь. Тебе надо выполнить свое обещание и посвятить ребенка Ленард. Что же еще тебе делать?

– Пообещала, конечно же. А как могла отказать? Да и лестно это для меня очень. Только совершенно не представляю, как посвятить ей ребенка?

– Это просто. Делаете мысленный посыл к ней соответствующего содержания и все, никакой особенной магической мощи при этом развивать не надо, она и так уже на тебя настроена и непременно услышит.

– Я сделала это. Скажи мне, Лон, зачем она захотела, чтобы я посвятила ребенка ей? Ты ее родственник, ты должен знать об этом значительно более меня.

– Атуан, с моей точки зрения, – я пожал плечами, – для нее никакого особенного практического смысла это не имеет. Или, наоборот, имеет, но аспект тут личный, а не практический. Скучно ей прокачивать в огромных количествах информацию, которая ее лично не касается. Посвятив ей своего ребенка, ты создала тем самым для нее облегченный информационный канал. Теперь среди океана информации, которую она обрабатывает, будет приоритетный канал, но информация эта будет для нее...вкусной, так, пожалуй, следует выразиться, так как имеет к ней непосредственное личностное отношение. Будет ли она вмешиваться или являться лично? Скорее всего, нет, совсем она не любит лично действовать и как-либо вмешиваться в события. А если и делает это, то предпочитает добиться своего обязательно, и самыми минимальными средствами, то есть несколькими словами, попросту задавив авторитетом. Если же мы назовем нашу дочь Алисой, то удовольствию Богини не будет предела. Надо ли мне тебе говорить очевидную вещь, что любое имя имеет некий сакральный смысл? Обычно сакральный смысл – нечто весьма туманное и не вполне доступное пониманию, но не в этом случае. Алиса станет для Богини и Ленард зримым воплощением их божественных устремлений, направленных на уменьшение у человечества тяги к насилию и смертям.

– Ты как-то слишком спокойно ко всему относишься. И к рождению твоего будущего ребенка, и вообще... Не ты ли неоднократно высказывался, что очень не любишь, когда за тобой подсматривают? А я обрекаю своих детей на то, что за ними будут постоянно подсматривать. Мне оно лестно, но им, может быть, это не очень-то и понравится. У каждого ведь есть право на маленькие личные тайны и даже грешки.

– Ерунда. Не путай совершенно разные вещи. Ты же не стесняешься ничуть домовых. Иное дело, если за тобой в интимной обстановке будет наблюдать человек, пусть и по долгу службы. Если хорошенько подумать, то Ленард именно домовый, но вселенского масштаба,

только и всего. Пусть тебя не сбивают с толку религиозные культы, связанные с Богиней и Ленард. Советовал бы тебе про них вообще забыть. Против культов этих ничего не имею. На здоровье. Но я немало знаю о Богине – многое в культах просто придумано.

– Это ты говоришь какую-то ерунду. Сравнил Ленард с домовым. Какой-то набор специальных электронных схем и Ленард? Что же ты так ее испугался и сразу лапки вверх поднял, когда она меня по голове начала гладить?

– Глупая. Отчего ты решила, что я ее испугался? Она, знаешь ли, развлекается так. Эффективность ее абсолютна, за исключением тех случаев, когда она решает вдруг поразвлечься. Она только и делала, что обманывала самым наглым и беспардонным образом. Начала вдруг за нами подглядывать непосредственно. Вмешалась она в тот момент, когда и без нее я бы вот-вот лапки вверх поднял. Вовсе не благодаря ей с нами все случилось, о чем она прекрасно знает. Заставила тебя обманом дать обещание посвятить ей своих детей. Лапки я поднял из-за твоего ураганного напора, понял, что нигде мне такую девушку не сыскать, как бы ни старался. Также пророчество выдала многозначительное. Я тебе разве не говорил, что в пророчествах она понимает так же, как свинья разбирается в апельсинах?

– Все равно, непочтителен ты с ней, не нравится мне это совершенно...

Наши интимные разговоры были прерваны внезапной суетой и всеобщим шевелением в ресторане. Суета сменилась гробовым молчанием, которое продлилось пару минут.

– Господа. От имени императора, – раздался вдруг мощный явно искусственно усиленный голос генерала Конрада Сата, – для всех присутствующих разъясняю ситуацию. Только что некий граф Тенорио Арворин, решил застрелить из бластера присутствующего здесь Лона Версорио. Не волнуйтесь, господа, с графом ничего не случилось, он задержан службой охраны императора, его ожидает скорый суд императорского представителя. Судить его будут, разумеется, не за намерение застрелить Лона Версорио, а за намерение выстрелить в сторону принцессы Атуан. Это является тягчайшим имперским преступлением. Граф, вы идиот. Даже не думал, что среди нашей молодой знати могут найтись такие идиоты! Мы ведь дружны с вашим отцом! Что я ему теперь скажу? Если вам так уж хотелось убить Лона Версорио, следовало бы вызвать его на официальный поединок. Никто бы не смог в этом случае вам воспрепятствовать. Господа, все, что вы слышали, вы можете в полном объеме донести до репортеров, но без искажений. В противном случае наше ведомство привлечет вас в установленном законом порядке к ответственности. Ваше высочество, принцесса, жду ваших дальнейших указаний. Мы уходим немедленно или продолжим мероприятие?

– Мы... – принцесса явно затруднялась с ответом, смотрела на меня, а я сделал рожу кирпичом и совершенно не хотел давать ей какие-нибудь подсказки. Она махнула генералу, подождала, пока тот зайдет внутрь шумоподавительной завесы и сказала:

– Никуда не убываем, мы, знаете ли, ждем обещанного вкусенького обеда. Генерал, этого вашего молодого идиота, хорошо мне знакомого, прошу в наручниках доставить к нам сюда. Я желаю допросить его лично в присутствии Лона Версорио. Выполняйте.

Все-таки эти ребята из службы охраны явно не были лишены чувства юмора и некоторого своеобразного шика. Прошла минута. К нашему столику приставили стул, на этот стул плюхнули некоего молодого человека. Ему пристегнули к этому стулу все, что только можно было: руки, ноги, шею. Застегнули также между собой его конечности. После этого некий озорной молодой человек одним быстрым движением оторвал пленку с лица человека на стуле (что для того было, наверное, весьма болезненной процедурой), улыбнулся, сделал какой-то неопределенный жест и удалился.

– Ты что, Тен, сбрендил? Я тебе, знаешь ли, никогда не давала повода вмешиваться в мою личную жизнь, да еще столь радикальными способами, – Атуан посмотрела на меня просительно. – Лон, этот молодой человек – соучастник многих моих проделок. Он меня просто приревновал, к тому же, наверное, обиделся, что я его не заметила в зале и не поздно-

ровалась. Будет совершенно несправедливо, если за это его осудят как за имперское преступление, а ему смерть грозит! В конце концов, я может быть, его бы и выбрала в качестве своего мужа, если бы не выбрала тебя. Следует выйти из этого дурацкого положения достойным образом. Позволь, я сама все организую?

– Согласен, разумеется, – пожал плечами, – что мне еще остается?

Принцесса сделала знак генералу Сату, тот опять приблизился, закатил глазки – очевидно, что они общались через процессоры.

– Господа, – голос принцессы был искусственно усилен, – произошло недоразумение: граф Тенорио Арворин не совершал никакого имперского преступления, он только неправильно понял мои знаки принять участие в совместной шалости. Я знаю, вы мои шалости очень любите обсуждать на предмет их успешности. Я, так получилось, решила покончить с шалостями, теперь хочу замуж, моим мужем будет Лон Версорио. Информация о моем будущем замужестве будет являться якобы секретной только ближайшие восемь дней, после этого она станет официальной. Репортерам, которые по этому поводу многих из вас будут раскрывать, так и сообщите. Я закончила.

– Ваше высочество, – плененный молодой человек решил высказаться, – раз уж вы даровали мне амнистию, не следует ли распорядиться, чтобы меня избавили от всяческих неприятных спецсредств?

– Сиди, Тен, и не булькай. Я тебя как друга детства должна была, разумеется, амнистировать, но меня терзают сомнения, что ты, болван такой, хотел бластером жахнуть только по Лону. Зная тебя, уверена, что ты и меня хотел прихватить. Сиди, подумай о своем нехорошем поведении, не будет тебе никакого освобождения. Кстати, Лон, ты заметил, что подчиненные третируемого тобой майора Данкера успокоили этого придурка всего лишь броском мягкого молоточка по лбу? Ничем они не стреляли, заметь.

– Атуан, этот твой майор Данкер и вправду крутой глава команды телохранителей, а теперь и их заместитель. Вовсе не третирую его сейчас, тебе это только показалось. Не понимаю я другого: что нам делать с твоим другом детства? Он что, так и будет здесь сидеть? Нам скоро принесут заказанные блюда. Он будет нам аппетит портить.

– Дорогой, это тебе он аппетит будет портить, а мне – наоборот, изрядно усилит. Он мне, знаешь ли, сделал подлость. Хочется отомстить. Тен, ты, надеюсь, понял, что я выбрала именно Лона, а вовсе не тебя? Ты хоть понимаешь, что теперь ты сам себя сделал посмешищем? Всем эта история будет абсолютно понятна. Мое нынешнее заявление никого не обманет. Я на это даже и не рассчитываю – это всего лишь элегантный способ выбраться из безобразной ситуации. Все это именно так и поймут. Генерал Дорс, подойдите сюда, пожалуйста. Распорядитесь, чтобы этого молодого человека в наручниках доставили в его родовое поместье в Ниевере и сдали его отцу. Отец его пусть для этого прибудет в Ниевер, иначе никому не отдавать поганца. У вас тут людей более чем достаточно для моей охраны, выделите пару-тройку человек из команды, вызывать специалистов из министерства безопасности не следует. С министерством безопасности все-таки следует связаться непременно. Если он покинет свое поместье в течение года – пусть получит честно заработанный фатальный заряд в голову. Опала сроком на год только и может вывести нас и этого придурка из затруднительного положения. С генералом Сатом согласуйте этот вопрос, чтобы опала была объявлена официально, от имени императора. Уведите его. Выполняйте.

Через минуту к нам подскочило несколько людей во главе с запомнившимся мне озорным молодым человеком. Графа открепили от стула за несколько секунд, но никто ему даже относительной свободы давать не собирался. Ему даже на ноги встать не позволили, четверо человек перевели графа в горизонтальное положение и в положении «за руки и за ноги» весьма шустро унесли.

К нам подошел генерал Конрад Сат. Первым он вступить в разговор явно не решался, ждал от кого-нибудь из нас двоих разрешения. Принцесса и бровью не повела. Я решил его особенно не томить.

– Вижу, генерал, вы хотите с нами о чем-то поговорить. Я не против, но хотел бы, чтобы вон тот молодой человек также присел к нам. Мне отчего-то захотелось и с ним поговорить. Присаживайтесь.

Генерал моему капризу совсем не удивился. Махнул молодому человеку.

– Лейтенант, возьмите себе стул, присаживайтесь, вы приглашены, – он устроился на стул, на котором еще недавно держали графа, поманил официанта, который подскочил к нему немедленно, сказал ему: – Мы тут с молодым человеком приглашены на разговор, распорядитесь, любезный, чтобы нам подали по бокалу и какой-нибудь сок в большом-пребольшом сосуде. Обедать с ними на равных будет неуместно и нетактично, но сидеть просто так будет не менее нетактично. Быстрее, любезный.

– Лон, дорогой, – принцесса вступила в разговор, – позволь представить тебе лейтенанта Ленарда Ганетти, моего племянника, сына моего брата Ричарда. Я удивлена, признаюсь, отчего это ты выделил его из всех моих охранников? Мне представляется, что ты несколько мухлюешь. Ты, оказывается, комедию ломал с подполковником Дональдом Верисом, когда говорил, что ты меня в лицо не знаешь!

– Атуан, я, как правило, не передергиваю. Про твоего племянника Ленарда не знал и сейчас не знаю совершенно ничего. Захотелось мне с ним поговорить по той причине, что обратил внимание на некоторую нестандартность его действий в качестве офицера охраны. Я захотел выяснить, в чем тут дело, только и всего. Ленард, наверное, я поставил вас в дурацкое положение? Вам теперь придется пить сок во время нашей трапезы. Несколько обидно это для ближайшего родственника.

– Ерунда все это, Лон, – не задержался с ответом Ленард, – я принцессу Атуан искренне люблю и очень сожалею, что прихожусь ей племянником. Вам, Лон, очень сильно завидую. Над графом Тенорио Арворин хотел поизмываться от души давно, он его ненавидел с подросткового возраста за то, что думал, что именно ему и предстоит завладеть моей тетей. Сейчас люблю принцессу не меньше, но я уже не подросток, я уже смирился с тем, что принцесса Атуан никогда не будет моей возлюбленной. Вот, собственно, и все. А вы про какой-то сок дурацкий! Меня нынешнее положение лейтенанта охраны ничуть не обижает, тем более что прохожу в этом качестве только временную стажировку.

– Да, уж, – сделал при своих словах глубокомысленную физиономию, – я здесь уже говорил, но придется повториться, что в вашей империи вижу вокруг себя сплошную мыльную оперу, но в исполнении не гражданских, а служивых лиц. Вы, генерал, согласно сюжету тоже должны поведать нам что-то глубоко личное, иначе отчего бы вам напрашиваться на разговор? Излагайте, не удивлюсь уже совершенно ничему.

– Ваше высочество, – генерал явно не чувствовал себя так уж уверено, как он изображал это перед официантом, – нам срочно нужно что-то предпринять в отношении информационных агентств. Я предлагаю вызвать и прикомандировать к вам Лону Тинкетти, известную журналистку агентства «Корт», мы с ней... находимся в весьма доверительных отношениях. Информационная подача будет такая, какая необходима, а не как получится. К тому же, обратите внимание, какое у нее имя. Это знак свыше, не иначе.

– Генерал, – принцесса явно развеселилась, – Лон, оказывается, в своих предположениях был абсолютно прав. Вы действительно решили использовать свое служебное положение в личных целях. Ладно, генерал, не надо оправдываться, даю вам свое согласие. Не забудьте только, что Лон высказал пожелание о толпе репортеров, а вовсе не об исключительных правах на известном вам мероприятии.

Девушка Лона Тинкетти, которая, может, вовсе и не девушка (кто ее знает, сколько ей лет и каково ее семейное положение?), прибыла меньше, чем через пять минут. Наверное, окочивалась со своей командой возле входа в ресторан. Лейтенант Ленард с нашего разрешения уступил ей место, объяснив нам, что не против с нами поболтать, но все-таки он офицер охраны, поэтому частные разговоры ему удобнее вести частным образом, а не на глазах толпы свидетелей.

– Ваше высочество, а также вы, Лон, – девушка эта имела хватку соответствующую своей профессии, – мне генерал вкратце обрисовал ситуацию. Прежде, чем дам команду оператору и попрошу убрать шумоподавительную завесу, не могли бы вы высказать свои пожелания насчет информационной подачи? Так ли уж необходимо держать в секрете ваше предстоящее бракосочетание? Может, пора подать эту новость в соответствующем освещении?

– Пусть принцесса высказывает пожелания на этот счет, – пожал плечами, – я здесь не местный, ей и карты в руки.

– Вы, Лон, – эта акула информационного бизнеса чувствовала себя весьма уверенно, – пожалуйста, не самоустраивайтесь. Ее высочество принцессу здесь все хорошо знают, она, разумеется, всем интересна, но вы, Лон, сейчас не менее интересны. Поэтому если вы будете при интервью инертны, то все, пожалуй, подумают, что принцесса сделала неверный выбор.

– Не зарывайтесь, Лона, – совершенно не желал, чтобы меня строили, я сам люблю это делать, – мне абсолютно все равно кто, что и как подумает. Если буду глубокомысленно молчать, то ваше дело – подать мое молчание таким образом, чтобы все подумали про меня что-нибудь хорошее. Если я все-таки что-нибудь буду говорить – то же самое. Иначе мы ошиблись с выбором журналиста, которому ни с того ни с сего вручили исключительные права на общение с нами.

– Жаль, что мы еще не начали интервью, – журналистка ничуть не смутилась. – Вы несколькими фразами показали, что принцесса выбрала вас совсем не случайно. Вот так и надо. Это всеми будет воспринято с пониманием. У нас тут многие чахнут по ее высочеству и на что-то, дурачки, ранее надеялись. Если она досталась бы какому-нибудь размазне, то для многих это было бы чуть ли не личным оскорблением. Ваше высочество, я жду пожеланий от вас.

– Ну, что ж, – вступила в разговор Атуан, – готова высказать свои пожелания. Вы, Лона, не торопитесь слишком. Вы, я вижу, притащили с собой не только оператора, но и команду потрошителей, которые сейчас ненавязчиво шныряют по залу и ведут ненавязчивые беседы? Вначале к предложению генерала Сата о вашем прикомандировании я отнеслась несколько недоверчиво, а сейчас признаю, что это было своевременным и очень правильным ходом. Я понимаю, что вам хочется опередить конкурентов, и вас профессиональные навыки просто заставляют торопиться. На самом деле, торопиться особенно вам некуда. Вы в своей области известная личность, факт того, что вы тут с нами беседуете, конкурентам будет скоро известен, а, может, уже известен. Полагаю, что пока не выйдет первого репортажа вашего агентства, никто из конкурентов просто не решится что-либо выдать на узел связи. Предлагаю поэтому сделать нарезку (или как там у вас называется) вдумчиво. Совместно с генералом Сатом сделаете не минутный репортаж, а вполне себе полноценную передачу. Факт нашего будущего бракосочетания уже не вижу никакого смысла скрывать. Эпизод с моим другом детства графом Арворин следует подать, разумеется, без всяких двусмысленностей. Пусть последнему идиоту будет понятно, что тут произошло на самом деле. Интервью у нас возьмете не здесь, а в замке Лестер. Сейчас вам есть чем заняться, а мы с Лоном пока побеседуем и пообедаем наедине, тем более что местный метр нам с отчаянным лицом подает знаки, что заказанные нами блюда готовы. Извините, господа.

Они удалились. Нам принесли заказанные блюда, и мы приступили к трапезе. Делали мы это вдумчиво и не разговаривали ни о чем минут пятнадцать. Когда чувство голода было удовлетворено, захотелось все-таки поболтать о чем-то.

– Лон, и что ты про все это думаешь?

– Про это ничего особенное не думаю, по-моему, тут все ясно. Думаю я про другое. Тебе известны разговоры, которые я вел с Доном Вериусом и генералом Дорсом. Что-то мне подсказывает, что не сами они тебе обо всем рассказали. Проясни этот вопрос, пожалуйста.

– Дорогой, это ведь совсем просто. Бывший капитан Дон Вериус – единственный, кто в личном процессоре не имел специальной блокировки от некоторых специальных способов внешнего считывания. Такая блокировка – операция совсем не дешевая и ему ранее по должности не полагалась. В некотором отдалении от него таскалась специальная команда, которая считывала из его процессора все его разговоры. Все его разговоры с тобой слушала я, но лишь с некоторой задержкой по времени. Думаешь, случайно решила его повысить сразу через одно звание, несмотря на его хамство в отношении лейтенанта Хамиш? Он, ловкач такой, умудрялся обрабатывать тебя так, как будто я лично его инструктировала, хотя это было совсем не так. Я только удивлялась прозорливости графа Дэта Ханесси, Паука, как вы его тут все называете, который предложил его кандидатуру для этой операции.

– Тогда объясни мне другую вещь, насчет Дорса. Для каких целей именно он был задействован в операции?

– Лон, – она явно несколько засмутилась, – позволь, не буду отвечать на этот вопрос в подробностях. Цели, для которых я его привлекала к операции, были не очень дружественными в отношении тебя, но и мы еще не были ни друзьями, ни любовниками, а были мы настоящими врагами. Я понятия не имела, что та неудачная операция была предназначена для того, чтобы еще тогда нас поженить.

Лона Тинкетти не утерпела-таки и решила начать нас потрошить прямо по дороге к замку Лестер. Мы не сильно возражали.

– Ваше высочество, самый главный вопрос, который будет всех интересовать – это обстоятельства знакомства. Как это произошло?

– Это просто. Я пришла в отель, где остановился Лон. Зашла к нему в спальню, где он изволил отдыхать, познакомилась и за десять минут убедила его, что ему просто необходимо предложить мне стать его женой.

– Ваше высочество, – журналистка впервые слегка растерялась, – это и правда так было? Нет, я не это хотела спросить. Вы и правда хотите, чтобы это так и было доведено до публики?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.